

Тамара Иванченко

Шурка

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО
ФОНДА
РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬ
ОНСКОЙ
РОСТОВ-НА-ДОНУ

2017 г

ББК 99(2Рос-Рус)61
И-182

Иванченко Т.А. — Шурка — Рассказы для для детей подросткового возраста — Издательство Литературного фонда России «Донской писатель». Ростов н/Д; 2017 г. — 80 с.

ISBN 978-5-87612-008-1

Об авторе:

Иванченко Тамара Александровна родилась 28.12.1950 года в Оренбургской области, Асекеевском районе, совхозе им. Чкалова. Здесь закончила 10 классов. В 1971 г. поступила, а в 1975 году окончила художественно-графический факультет Адыгейского педагогического колледжа с отличием.

В 1992 году заочно окончила юридический факультет Кубанского государственного университета.

Литературным творчеством увлекалась с детства.

Литературная стихия всё же её захватила. Печатала стихи и прозу в периодических изданиях: газете «Вестник предгорья», журналах «Звезда Черноморья», «Дон и Кубань», «ДОН_новый». Издала книгу стихов «Ода любви».

Член туапсинского ЛТО «Логос»..

Живёт в посёлке Небуг, Туапсинского района Краснодарского края.

© Иванченко Т.А. 2017 г.

© Издательство «Донской писатель». 2017 г.

© Иллюстрации — фотохудожник Бордулин Н.М. 2017 г.

Тамара Иванченко

Есть такая поговорка: «Скрипучее дерево живёт долго», — это про моего отца. Несмотря на раны, полученные в Великой Отечественной войне, мой отец прожил долгую жизнь. Ему было восемьдесят лет, когда он умер. Он пережил своего младшего брата и сестру, на десять лет пережил свою жену.

В его жизни было много всяких событий: и хороших, и плохих. Война стала неотъемлемой частью его юности, а стало быть, — и всей жизни. А ведь юность никогда не забывается. Отец был интересным и талантливым рассказчиком.

Книга прозы «Шурка» — это сборник рассказов, который я написала, опираясь на собственную память, удерживающую значительную часть воспоминаний отца о его детстве и войне.

Автор

Шурка

*Посвящается моему отцу,
инвалиду Великой Отечественной войны
Иванову Александру Степановичу.*

Шурка очнулся от невыносимой боли в голове, с трудом открыл глаза. Было темно и... тихо. Сильно хотелось пить. Совсем рядом кто-то глухо стонал. «Наверное, раненый», — подумал Шурка.

Боль в голове мешала сосредоточиться, ныла затёкшая спина, он хотел пошевелиться, но тело его не слушалось. Почему-то сильно пахло лекарством, и этот запах назойливо лез в горло и вызывал тошноту. «Идёт бой, почему так тихо»? — думал Шурка. Он не понимал, почему он лежит и не может двигаться, почему вокруг темно и тихо. Только что все гремело вокруг и от взрывов закладывало уши. Мысли путались в его больной голове, рассыпаясь на отдельные отрывки, не имеющие логической последовательности.

«Я убит»? — ужасом пронеслось в голове Шурки. От этой мысли ком сдавил горло. Стало душно. Шурка закрыл глаза. Мыслей уже не было, бездонная пустота. Голова кружилась и была мутная, как после доброй кружки водки. В ушах шумело, и Шурка потерял сознание.

Сколько времени он так пролежал, неизвестно, но когда снова открыл глаза, то прямо перед собой увидев потолок с одиноко висевшей посередине лампочкой. Опустив взгляд ниже, Шурка увидел большое окно, через которое в комнату пробивался едва различимый голубоватый свет, который, проникая все дальше в глубину комнаты, окрашивал воздух голубой дымкой.

«Светает», — машинально подумал Шурка.

Он хотел поднять голову, чтобы осмотреться, но она почему-то не поднималась, будто была приколочена гвоздями. Руки и ноги не шевелились, он их и не чувствовал, как будто бы их и не было вовсе. Неподалеку кто-то застонал. Шурка хотел крикнуть, позвать на помощь, но издал только хриплый звук, похожий на рычание. Испугавшись собственного голоса, он замолчал. В отчаянии повел глазами по сторонам, чтобы хоть кого-то увидеть, и этот кто-то должен помочь ему. Его лихорадочный взгляд наткнулся на стены большой комнаты, когда-то выкрашенной белой известью, а теперь серые стены зияли коричневыми проплешинами из-за осыпавшейся и вытертой побелки. Вся комната заставлена плотными рядами коек, на которых лежали перевязанные бинтами люди.

«Госпиталь», — догадался Шурка. Вот откуда этот назойливый запах лекарства, который уже давно мучил его. «Ранен», — молнией пронеслась мысль.

От осознания того, что он находится в госпитале, что вокруг него люди и к нему всё равно кто-то подойдёт, что он не останется лежать один в этом жутком одиночестве, Шурке стало легче.

Так, успокоив сам себя, он ещё раз обвёл глазами комнату. Вокруг стало достаточно светло и лишь золотистые сполохи лучей на стенах напоминали о рассвете. «Начинается новый день», — подумал Шурка.

Он лежал на кровати, укрытый серым солдатским одеялом, недвижимый и бессловесный. Его блуждающий взгляд снова наткнулся на знакомую лампочку. Она была засижена мухами и припорошена пылью.

Шурка старался ни о чем не думать. Так будет легче, решил он. Но ничего не думать не получалось. Волной нахлынули воспоминания о последнем бое.

Тамара Иванченко

Он вспомнил весь этот страшный день, свист пуль и грохот от рвущих землю взрывов. В одно мгновение воспоминание пронеслось во всё ещё болевшей Шуркиной голове. Он помнил, как в окоп, где находился его взвод, упал снаряд. Совсем рядом, только протяни руку. Взрыв болью пронзил уши, ослепил глаза. Горячий поток воздуха рухнул на Шурку и швырнул его, точно щепку, высоко вверх. Всего один миг, но он успел увидеть, как вместе с ним поднялись в воздух: земля, орудия, фрагменты человеческих тел. Всё произошло так быстро, что Шурка действительно только увидел, он не успел даже испугаться, а потом он уже ничего не помнил.

Шурка лежал, смотрел в потолок невидящими глазами, и запоздалый страх сжал молодое сердце, а щёки обожгли молчаливые слёзы. Шурка плакал не столько от нахлынувших на него воспоминаний о прошедшем бое, сколько от своей беспомощности. Он уже понял, что ранен, но неподвижность тела пугала его, вызывала ужас.

«Как же я вернусь домой неподвижным бревном? Кому я буду нужен?» Шурка лежал и плакал о своей загубленной юности, о жизни, которая только началась, но уже, как он думал, закончилась. Он еще не знал, что очень многие не вернулись после этого боя. Ему повезло — он остался жив. Но осколок от взорвавшегося в окопе снаряда, пробив каску, крепко засел у него в голове.

Он не знал и того, что от ранения потерял сознание и что земля, поднятая вместе с ним в небо, опустилась назад и засыпала его в окопе. Она словно похоронила израненное, истекающее кровью, но еще живое тело бойца. Только после боя его вытащили из земли и отправили в госпиталь.

Наплакавшись и обессилив, Шурка подумал: «Скорее бы уже утро. Проснутся люди, будут ходить, разговаривать».

Он не знал так же и того, что уже несколько недель борется за жизнь. Не знал, что даже врачи списали его в мёртвые. Но сражаться и бороться Шурке было не привыкать.

Война для него началась еще в 1940 году на финской земле. Туда перебросили часть, в которой он проходил срочную службу. Уже пять лет Шурка беспрерывно воюет.

Спустя время он узнает о том, что его полуживого перевозили из госпиталя в госпиталь все дальше и дальше от линии фронта, все ближе и ближе к родной земле.

И вот, наконец, после стольких бессознательных дней, Шурка очнулся. Только что ему хотелось, чтобы проснулись люди, чтобы увидели его, такого одинокого и жалкого, чтобы подошли к нему, пожалели или просто поговорили. Теперь он никого не желал видеть. Эта большая с облезлыми стенами комната и эта пыльная лампочка раздражали его. Жить не хотелось.

— Что, очнулся, милоч? Значит, будешь жить, — внезапно услышал он приятный женский голос с чуть заметной хрипотцой.

От неожиданности Шурка вздрогнул.

Увлёкшись своими печальными думами о жизни и смерти, он не заметил, как к нему подошла средних лет женщина в белом стареньком халате и белой косынке, из-под которой смешно выбивались колечки волос с проседью.

Она склонилась над кроватью, поправляя сбившееся одеяло, обдав Шурку обволакивающим, чарующим запахом женщины, нет, не запахом мамы, с детства знакомым, а другим, еще не знакомым ему запахом чужой женщины, волнующим своей неизвестностью, а потому притягивающим. В этот запах удивительным образом вплелись: запах мыла и лекарства, запах свежести и йода. От нахлынувшего волнения Шурка зажмурился.

Тамара Иванченко

Нет не эта, уже немолодая женщина, хотя еще достаточно привлекательная, вызвала бурю волнения в душе Шурки, а именно запах, обдавший его волнами вместе с размеренно и заботливо двигавшимися руками. Ему казалось, что этот запах исходит откуда-то оттуда, из далекого прошлого. Он воспринимался как символ жизни, от которого он отвык.

А женщина, не замечая Шуркиного смятения, продолжала говорить своим хрипловатым голосом, поправляя подушку.

— Ну вот, а врачи говорили, что ты не жилец. Ошибались они. Все ошибаются, на то мы и люди, чтобы ошибаться, — продолжала она, как бы стараясь оправдать неутешительный диагноз врачей.

Шурка оправился от волнения, реальность постепенно вернулась к нему, и он стал прислушиваться к словам спасительницы. Немногое, что он мог еще делать — это смотреть, слушать и думать. «Хоть это не отняла у меня проклятая война», — с ненавистью подумал он.

— Вот сделали тебе операцию, вытащили осколок из головы. Теперь, соколик, пойдёшь на поправку. Поставим тебя на ноги.

После слов «поставим на ноги» глаза у Шурки дрогнули и он с удивлением и интересом посмотрел на женщину.

— Да, да, не удивляйся, — заметив немой вопрос в глазах собеседника, продолжала она. — Поставим на ноги. Главное, нужно в это верить. Будешь верить, всего добьёшься, а не будешь верить, так и останешься лежать деревяшкой.

Так начался новый день и новая жизнь для Шурки.

Бой, в котором он был ранен, остановил привычную военную жизнь, и она, как маленькая речушка, наткнувшись на преграду, остановилась, замерла, как бы раздумывая, куда

пробивать новое русло, чтобы снова течь и течь, ускоряя свой бег.

Потекли для Шурки нескончаемо долгие месяцы лечения. В госпитале он встретил и окончание войны.

Женщина, которая подошла к Шурке в самый тяжёлый для него миг отчаяния и которая вселила в него веру в выздоровление, стала для него поистине добрым ангелом. Она была медицинской сестрой и звали её странным именем — Изольда Карловна. В госпитале называли её еврейкой. Она прониклась жалостью к молодому парализованному пареньку и окружила его особенной материнской заботой. Приносила из дома и стелила чистую постель, подкармливала домашней едой. Делала всё, чтобы поставить на ноги. И ведь поставила же! Домой Шурка приехал на своих ногах. К тому времени его мама переехала жить в другое село к дочери, у которой погиб на войне муж.

В этом-то селе, сама ещё не зная и не ведая того, уже ждала его черноволосая красавица украинка, молодая учительница истории с красивым именем Евгения. И потом уже она будет долгие месяцы учить его разговаривать. У них появятся трое детей — два сына и дочь. И потечёт жизнь дальше и дальше в заботах, в труде, в радости и горе.

Но через всю жизнь Шурка пронесёт в сердце благодарность медсестре со странным именем Изольда Карловна, которая искренне и от чистого сердца подарила ему новую жизнь и новое имя. В госпитале, с лёгкой руки Изольды Карловны, Шурку стали называть Сашкой. А в селе, в которое он приедет после госпиталя, где женится и будет жить, его станут называть Сашей, а позже — Александром Степановичем.

Начнётся для него новая жизнь с молодой женой, в новом селе и с новым именем. Больше никто и никогда не называл

Тамара Иванченко

его Шуркой. И только мама, его старенькая мама, так и будет называть его Шуркой. И это имя звучало теперь, как отголосок боя, который изменил Шуркину жизнь.

Вот только закончившаяся война так и не оставит своего бывшего воина и будет приходить к нему по ночам в кошмарных снах, в которых он до конца своей жизни останется солдатом.

Но это были всего лишь сны, которые заканчивались с рассветом.

***Вороной конь
или
первый рабочий день***

Вороной конь под Шуркой мчался во весь опор по незнакомой, гладкой и прямой до самого горизонта дороге. Ветер свистел в ушах, захватывало дух, а сердце наполнялось гордостью — это он, Шурка Иванов, десятилетний деревенский мальчишка был лихим кавалеристом, и это его конь, раздувая ноздри и обдавая жаром, неся стрелой, почти не касаясь земли копытами. И даже казалось, что конь не скачет, а летит по воздуху. От ощущения полёта, сердце то проваливалось куда-то в живот и там глухо бухало, как в пустой бочке, то поднималось к самому горлу, перехватывая дыхание, и часто-часто звонко стучало в груди, как ложечка в стакане с чаем.

Шурка был счастлив. Всё его маленькое, тщедушное существо ликовало радостью, которая, повинаясь волнообразным движениям всадника с конем, в наивысших точках полёта выплёскивалась, как жидкость, рассыпаясь миллионами голубых, розовых, жёлтых, зелёных капель, оставляя в воздухе после полёта радугу, которая по мере удаления коня, растворялась в воздухе, окрашивая окрестность разноцветной дымкой.

Так он мчался мимо розового леса, желтой реки, оранжевых берёз и фиолетовой незнакомой деревни.

— Шура, Шура — чуть слышно, как-будто издалека донёсся до него чей-то знакомый голос.

Он пытался вспомнить этот голос, но мальчишке-кавалеристу было не до этого, так как он заворожённо летел на вороном красавце в радужном свете. И этот свет, и этот полёт были радостью и счастьем, и сердце снова стучало, будто хотело вырваться наружу.

— Сынок, вставай, уже пора.

Шурка проснулся, но продолжал лежать на тёплой печке. Радуга и конь исчезли. Он понял, что это был всего лишь сон, в который так хотелось вернуться. Со всей силы он крепко зажмурил глаза, но сон не возвращался. Вдруг до его ушей донёлся звонкий стук, так во сне стучало его сердце. От неожиданности и удивления он резко сел и со всего маху приложился к потолочной балке лбом, из его, ещё закрытых глаз, искры полетели в разные стороны. Он тоненько взвыл от боли, а потом заорал во всё горло.

Рядом на печи спал толстый и неповоротливый шестилетний брат Витька. Его разбудили вопли брата и, то ли испугавшись, то ли за компанию заорал ещё громче. Шурка выл, потирая лоб ладонью, на котором уже выростала шишка. Он сердито, как в отместку стукнул кулаком черную от копоти и старости нависшую над печкой балку.

— Чо орёте? — внизу с кровати послышался сонный голос старшей сестры Насти. Бурча что-то себе под нос, она повернулась на другой бок, накрывшись с головой домотканым красным одеялом. Тюфяк, набитый соломой, захрустел под статным телом шестнадцатилетней девушки.

— Ну, разгалделись. Вставайте, ужо, завтракать, — донёсся незлобивый голос матери, хлопотавшей возле печи.

Шурка продолжал выть, а Витька, едва заслышав голос матери, как по команде замолчал и, слезая по шаткой деревянной лесенке с печки, весело щебетал:

— А чо кушать, мамак?

— Вот допеку лепёшку и накормлю тебя, — ласково говорила мать, не оглядываясь на сына.

— Ты только накипи, а я сам накомринюсь, — весело лепетал Витька, коверкая слова и путаясь у матери в ногах.

— Да уйди ж ты, пострел, обожгу ужо — недовольно

Тамара Иванченко

крикнула мать на сына, доставая из печи длинную палку, на конце которой свисала с двух сторон душистая, румяная и хрустящая лепёшка.

Такие изумительно вкусные лепёшки никто в деревне больше не умел печь, так считал Шурка. Вот и сегодня душистый, сладковато — терпкий запах свежеиспечённой лепёшки поднимался к потолку над печкой, щекоча в носу. Шурка шмыгнул носом, а потом медленно и с удовольствием потянул в себя ржаной аромат, зажмурившись от удовольствия.

Он быстро спрыгнул с печки и только теперь увидел сидящего на лавке возле стола деда Спиридона, двоюродного брата отца, но гораздо старше годами, поэтому дети называли его дедом. Он был колхозным конюхом.

— Ну, здравствуй, крикун, — пряча смешинки в морщинках у глаз, глуховато сказал дед Спиридон, то ли поздравившись, то ли посмеявшись над Шуркой.

— Здравсте, — буркнул Шурка и заметил, как рука деда Спиридона равномерно и монотонно мешала ложечкой чай в стакане, издавая тонкий звук. Тут же вспомнился сон и звонкий стук сердца в груди, но, застыдившись недавнего события на печке, он юркнул в заднюю комнату якобы умыться. Но долго находиться он там не мог, так как уж очень аппетитно пахла лепешка и слышно было, что все уже садились к столу завтракать.

— Шура, ты где? — подражая взрослым, позвала его Настя.

— Иду, — выдавил из себя Шурка и боком прошёл к столу, стараясь не смотреть на деда Спиридона.

От кружки с чаем пахло смородиновым листом, мятой и ещё какими-то травами. Ржаная лепёшка, замешанная на соли и воде, испечённая в печке над углями, хрустела и таяла во рту так быстро, что едва ощущался её вкус.

Дед Спиридон сидел молча, о чем-то задумавшись, продолжая звонко помешивать ложкой в стакане. Его лохматые брови то сходились на переносице, то расходились к вискам, то поднимались вверх, морщина лоб, то опускались вниз, нависая над серыми, выцветшими глазами. Эти подвижные брови напоминали птицу, которая то взлетала, то опускалась. Шурка заворожённо следил за «птицей» на лбу деда Спиридона, забыв про чай и лепешку. Голос матери вернул его к действительности:

— Дядя Спиря, хватит колотить ложкой в стакане. Кабы сахар был, а то пустую воду колотишь, ужо в ушах звенит.

Шурка, отведя взгляд ото лба деда Спиридона, только теперь заметил, что тот так и не прикоснулся ни к чаю, ни к лепёшке, кусок которой сиротливо лежал на блюдечке возле стакана.

— Шибчей собирайся, Шурка, никак у тебя первый рабочий день сегодня, негоже опаздывать. Хотя, какой там не опаздывать, небось все уже давно в поле.

Дед Спиридон помолчал немного, хитро улыбнулся и гордо добавил:

— Коня буду тебе запрягать.

Снова помолчал и продолжил:

— Дам тебе самую смирную лошадь, Майкой зовут. Ишо прежнего председателя колхоза возила. Убили горемыку в раскулачивание.

Дед Спиридон по привычке повернулся лицом к углу, где висела пара закопчённых икон, обрамленных вышитым петухами полотенцем с лампадкой внизу. Рука машинально поползла ко лбу, потом стала опускаться вниз, а голос, монотонно растягивая слова, забасил:

— Царствие небесное...

Тамара Иванченко

Но на словах «... раба божьего...» его прервала Шуркина мать — Пелагея:

— Ты чай совсем с ума выжил, он же партейный, а ты — «раб божий». Дык его не примет Бог-то.

— Кто его знает, Пелагея, может ты и права, а может и не права вовсе — человек ведь. Божьи дела нам не ведомы.

Но хоть и сомневался дед Спиридон в словах Пелагеи, но молиться за прежнего председателя больше не стал. Он снова заторопил Шурку, а мать почему-то всхлипнула, быстро стала убирать со стола и торопливо потянула угол передника к лицу. Шурка сразу догадался, что мать плачет и по-деловому, как взрослый стал её успокаивать:

— Ты чо, мамака, не плачь. Я же чего, всего-то и буду воду возить на поля. Подумаешь, работа, катайся себе целый день. Вон дед Спиридон обещает мне смирную Майку дать.

Мать заторопилась, сунула сыну узелок с едой, крепко прижала его к впалой, болезненной груди, потом резко отстранилась, подтолкнув его к дверям.

— Иди, Шура, не обижайся.

— Ты чо, мамак — только и смог проронить ошарашенный Шурка и, увлекаемый пахнущим табаком и навозом дедом Спиридоном, очутился на улице. Там было уже не темно, но еще и не светло, как днём. В воздухе дрожал зыбкий полусвет, самое начало начинающегося дня. Было прохладно. Шурка потёр ладонками замёрзшие оголённые руки.

— Зябко? — поинтересовался дед Спиридон и успокоил — Ничего, день сегодня будет тёплый, согреешься.

Настя уже ушла на огороды, а Витька увязался следом, бежал и канючил, размазывая слёзы по щекам:

— Шур, возьми меня с собой. Я тоже хочу покататься на Майке.

— Некогда мне, Витька, возиться с тобой, иди домой к

мамке, — грубо осёк он брата и быстро, почти бегом, стараясь не отставать от широко идущего деда Спиридона, зашагал по пыльной деревенской дороге. Изредка за забором начинала лаять чья-то собака, но без поддержки своих товаров, быстро успокаивалась и замолкала. Кое-где в хлеву мычали коровы, приглашая хозяек на утреннюю дойку. А вот для петухов это было самое любимое время суток. То там, то здесь слышалось переливистое петушиное пение. Они то перекликались, вроде как здоровались, то пели хором, стараясь перекричать друг друга, будто соревнуясь в громкости.

Так под петушиное пение и шли они — старый да малый. О чём думал дед Спиридон неизвестно, а вот Шурке снова вспомнился сон, и он мысленно снова летел по воздуху на вороном коне и встречный ветер охлаждал его лицо и руки.

— Хорошо! — думал Шурка, не обращая внимания ни на холод, ни на петухов, ни на деда Спиридона. А тот, тем временем, попыхивая самокруткой с едким табаком, изредка кряхтел, издавая звуки: «Э-хе-хе» или же — «Э-э-х». А когда показалось приземистое, старое и ветхое здание конюшни, деда Спиридона будто прорвало:

— Ты, Шурка на мать не обижайся, она больная, ее жалеть надо. Ты лучше на отца обижайся, что он вас мальцов да больную жену бросил. Я не посмотрю, что он брат мне, хотя и двоюродный. Я так думаю, негоже детей своих пускать на произвол судьбы. Не помогает ведь вам деньгами али продуктами?

Шурка, переживая заново восторги сна, не расслышал вопроса, но дед Спиридон видно и не ждал ответа, помолчал, покряхтел и продолжил:

— А зима-то длинная, а ртов-то у вас вон сколько. Стало быть, нужно зарабатывать трудодни. На одни Настины трудодни вам не прожить, а мать совсем негожая, больная. Вон,

Тамара Иванченко

всю зиму и всё лето прохворала. Все вы, небось, у Насти на шее сидите. Благо, девка здоровая, да работающая, а как выскочит замуж, да не дай Господь, уедет в другую деревню, что делать-то будете?

Он вздохнул, то ли жалея Шуркину мамаку, то ли Шурку с Витькой, а может сожалел о будущем Настином замужестве. Помолчал, еще раз вздохнул, потрепал тяжёлой шершавой рукой Шуркино плечо и бодрым голосом сказал:

— Ничего, ты маленький, но жилистый.

Это он, наверное, имел в виду то, что Шурка был худым, а значит по мнению деда Спиридона жилистым.

А Шурка шел, занятый своими мыслями и почти не слушал деда. Он вовсе не думал обижаться на мамаку, да и на отца тоже. Проблемы взрослых не особенно касались его детского сознания. Конечно, было немного обидно, что отец живет в соседней деревне с чужой теткой, но его (Шурку) он иногда берет к себе, и поэтому обида не была очень сильной. Наоборот, он даже гордился тем, что Настю и Витьку он к себе не брал, а вот его иногда берет на несколько дней, а иногда даже на несколько недель. А когда отец не брал его к себе, то Шурка тоже не переживал, потому что дома хоть и голодно было иногда, но все же лучше, чем у чужой тетки (новой жены отца).

Отец действительно не помогал семье ни деньгами, ни продуктами. Но Шурка не задумывался об этом даже тогда, когда мать еле-еле сводила концы с концами, а прожорливый и толстый Витька вечно просил еды.

Так незаметно, думая каждый о своем, подошли они к конюшне. За дальним лесом уже всходило солнце. Его косые лучи скользили по мокрой траве и будто теплыми пальчиками коснулись холодных Шуркиных рук, щёк и шеи. Он поёжился от внезапно коснувшегося его тела тепла.

— Ну, вот и пришли — как-то торжественно сказал дед Спиридон, подходя к большим, деревянным, двустворчатым дверям, закрытым на большой амбарный замок. Кряхтя, сопя и чертыхаясь, он долго возился с ржавым замком, который никак не хотел открываться. Наконец замок открылся, дед Спиридон легонько толкнул двери рукой и они, будто освободившись от пут, стали медленно открываться внутрь конюшни, скрипя тяжёлыми коваными навесами, а следом за ними в тёмное помещение торопливо входил свет, все дальше и дальше проникая вглубь конюшни, постепенно освещая самые потаённые углы.

Где-то совсем рядом, но еще не видимая, фыркала лошадь. Она слабо заржала, как бы спрашивая: «Кто здесь?» Луч света выхватил из темноты и вспыхнул звёздочкой в тёмном, как смоль глазу лошади. Она зафыркала, замотала головой, и Шурке показалось, что таким образом она предлагает ему войти.

— Вот и Маечка — ласково сказал дед Спиридон, входя в конюшню. Лошадь, услышав своё имя, снова зафыркала, заржала, замотала головой.

— Входите, входите, — словно говорило все ее существо.

Шурке стало весело, ему показалось, что он абсолютно её понимает — эту удивительную с чёрно-сияющим глазом лошадь по кличке Майка.

Дед Спиридон открыл дверь в ясли, в которых стояла Майка, и она пошла навстречу Шурке, громко стуча копытами по деревянному настилу. Под лучами восходящего солнца, гнедой окрас её шерсти вспыхивал рыжими искрами, отчего лошадь казалась золотой. Шурка с восхищением смотрел на Майку и сиял от счастья.

Между тем, дед Спиридон запряг её в телегу, на кото-

Тамара Иванченко

рой лежала на боку огромная деревянная бочка, не с тремя ободами, как домашняя с квашеной капустой, а с четырьмя рядами железных ободов. На верхнем боку бочки прорезано квадратное отверстие, через которое вполне может пройти ведро.

— Вот тебе и рабочий вентарь,— почему-то мудро и весело сказал дед Спиридон, похлопывая лошадь по загривку.

Шурка так и не понял, что есть «вентарь»: телега или лошадь?

— Воду будешь брать в речке Холоднушке около школы на перекате, там мелко. Ведро и ковш сзади телеги висят на крючках.

Дед Спиридон посерьёзней, заторопился:

— Ну, давай Шурка, а то мне уже давно пора в поле. И так я с тобой цельное утро колобродюсь.

Он посадил Шурку на бочку, сунул в руки вожжи и, не оглядываясь, быстро пошёл в сторону колхозного поля. Шел он, наклонившись вперед, будто прорезая воздух макушкой головы. Было ощущение, что его ноги не успевают за стремящейся вперед головой.

Шурке нужно было ехать в противоположную сторону. Ему, деревенскому мальчишке, не раз приходилось ездить и в телеге, и в санях зимой, а однажды даже на тарантасе прокатился с председателем колхоза. Тарантас — это тебе не телега, на кочках не трясёт, а плавно покачивает. Он мечтал, что когда вырастет, обязательно будет ездить на тарантасе.

А сейчас, сидя на бочке, он привстал, свистнул, громко крикнул — «Но!» и хлопнул Майку вожжами по толстым бокам, и она не торопясь поплелась по дороге. Шурка кричал, свистел, снова хлопал Майку вожжами, но все напрасно. Она решительно не хотела убыстрять свою медленную поступь

хотя бы на крошечку. Шурка слезил с бочки, тянул ее вперед за уздцы, садился на нее верхом и хлопал по ее раздутым бокам босыми ногами, как шпорами, до хрипоты кричал: «Но, но!..». Всё было бесполезно. Она словно и не замечала Шуркиных стараний, продолжая не спеша двигаться по дороге в сторону речки, лениво помахивая хвостом, отпугивая мух и оводов, роем кружившим вокруг неё. Мухи и оводы, казалось, больше заботили и беспокоили Майку, чем требования ездока.

Наконец Шурка устал бороться с упрямой лошадей, сел на бочку, положил вожжи на колени и, трясаясь на кочках вместе с телегой, медленно катил по дороге к речке. Ему не нужно было даже править Майкой, она шла именно туда, куда сказал дед Спиридон.

— Недаром зовут её Майкой, — невесело думал Шурка — потому что каждый мается, кто на ней едет.

— Но, проклятая! — раздраженно и безысходно крикнул он на кобылу.

Солнце поднималось всё выше. Нужно было спешить, но как тут поспешишь с такой нерадивой и ленивой лошадей с горечью думал Шурка.

Так, трясаясь на бочке, он ругал Майку, ругал себя за то, что его так предательски коварно обманули, но больше всех он ругал, как теперь ему казалось, хитрого пройдоху деда Спирьку, как частенько его звали в деревне. Дорога к речке показалась очень длинной, он успел даже задремать и чуть было не свалившись с бочки.

Но вот наконец-то и речка Холоднушка, знакомый перека, а напротив, на бугорке здание школы, закрытое на летние каникулы.

Майка, как по приказу зашла в речку до середины колёс телеги и остановилась, наклонив голову к воде, с удовольствием начала пить холодную воду.

Тамара Иванченко

Шурка схватил ведро, с грохотом шлепнул им об воду, зачерпнул чистой речной воды по самые края, но... вытащить тяжёлое ведро так и не смог. Пришлось ведро вешать снова на крюк. Лежа животом на бочке и черпая воду ковшом, стал наполнять бочку. Он ложился на бочку то с правой стороны, то с левой, то садился на неё верхом. Черпал воду и правой рукой, и левой, и даже сразу двумя руками. Но она — эта большая, как земной шар, бочка никак не наполнялась.

Бочка не наполнялась, а Шурка всё больше и больше ругал Майку, что она такая ленивая. Как будто, не он — Шурка, а она — Майка должна наполнять бочку водой.

Шурка от досады расплакался, сел на бочку и стал себя жалеть. От этой жалости ему всё больше хотелось плакать и всё меньше наполнять водой бочку. Наплакавшись, он решил петь песни. Бочку-то все равно нужно наполнять, а с песней будет веселее, и Шурка запел: «Смело товарищи в ногу...» и «хлюп» — ковш воды в бочку. «...Духом окрепнем в борьбе...» — пел Шурка и снова «хлюп» воду в бочку.

Майка всё это время покорно и смиренно стояла почти по брюхо в ледяной воде и только изредка косила на Шурку своим смоляным глазом, особенно, когда он заорал: «Смело мы в бой пойдём...».

Шурка взмок и обессилел, когда наконец-то вода в бочке заплескалась около самого верха. Он устало, но торжествующе сел на бочку верхом и совсем не громко, потому что не было сил, сказал: «Но!». Он даже не успел хлопнуть Майку вожжами, а она уже медленно потащила телегу, а с ней бочку, а на бочке и Шурку из воды на берег. И, не слушаясь вожжей, а, значит, не слушаясь Шурку, она поплелась мимо деревни в сторону колхозного поля. Но Шурка уже не ругал её и не хлопал вожжами.

Гружёная тяжёлой бочкой телега уже не прыгала на ухабах, а плавно качалась.

— Как тарантас — машинально подумал Шурка.

Вместе с бочкой он качался из стороны в сторону вялый и размягчённый от усталости, весь мокрый от пота, слез и речной воды. Ни о чём не хотелось думать. Даже вороной конь из ночного сна утонул в дымке усталости.

Теперь Шурка с нежностью и любовью смотрел на Майку, которая не требовала к себе внимания. Она сама шла знакомой дорогой в назначенное место, а заодно везла и Шурку, который после ледяной воды в речке грелся под лучами уже высоко стоявшего солнца. Тепло, проникая внутрь тела, согревало и возвращало его к жизни.

Позади осталась деревня с её неповторимым многоголосьем, и родная Майкина конюшня, в которой она появилась на свет и будет жить до самой смерти.

Вот и колхозные поля. Телега катила рядом со скошенным полем, а раньше, когда колосилась пшеница, поле колыхалось золотистыми волнами. Шурка любил смотреть на это зрелище. Ему говорили, что такие же волны бывают на море, только там они не золотые, а синие. Шурка ехал и смотрел на сине-голубое небо и представлял себе море, а тучки вдалеке казались ему кораблями с белыми парусами. В мечтах и созерцаниях Шурка даже и не заметил, как подъехал к полевому стану.

— Ездок, вожжи-то потерял — неожиданно услышал он чей-то звонкий голос.

Вожжи действительно волочились по дороге между колёсами телеги.

Шурка лихо спрыгнул с бочки на землю. Майка остановилась и, мотая головой сверху-вниз, фыркала.

— Люблю эту воспитанную лошадь, всегда поздорова-

Тамара Иванченко

ется, в отличие от некоторых, — со смехом проговорил всё тот же весёлый, звонкий голос.

Обладательницей этого голоса была колхозная повариха Агрипина. Внешность её была полной противоположностью голосу. Она была высокая, пышная и дородная. В обхват, эдак, может, два мужика и обхватят. По нраву добрая и ласковая. В деревне звали её Груней, а мальчишки грушей за полноту.

— Здравствуйте, — смущенно и запоздало ответил Шурка — Вот, воду привёз.

— Да видим, что не щи и не кашу — ответила грубым, низким голосом напарница Агрипины по кухне, вечно сердитая и всеми недовольная Степанида. В отличие от Агрипины, она была худая и маленькая, как сказал бы дед Спиридон — жилистая. Степанида была одинокой старой девой. Она ненавидела всех деревенских мальчишек, потому что они постоянно лазили к ней в палисадник и обрывали ранетки, которыми она очень гордилась, так как в деревне больше ни у кого не было таких ранеток. А ранетки-то эти были ну просто дрянь— маленькие, кислые и горькие. Однако мальчишки приспособились есть эти ранетки. Нарвут, бывало, их полные пазухи, за деревней разожгут костёр, нагреют в костре до красна камень или железяку какую, а сверху положат ранетки. От жара ранетки разбухают, словно медом наливаются и на вкус становятся сладкими и душистыми.

Так вот из-за этих ранеток и Шурке не раз доставалось палкой по ребрам. Так что Степаниду он знал очень хорошо.

Она никак не унималась и кричала всё громче:

— Ты бы ещё попозже привёз воду. Когда прикажешь стряпать? Может ты сам и встанешь к печке?

— Да брось, Стеша — успокаивала её Груня, прижимая к себе съёжившегося и опешившего от нападков Степаниды Шурку.

— Ты, чей будешь-то? — миролюбиво поинтересовалась Груня, поглаживая его по голове.

— Я, Шурка Иванов, — ответил он невпопад и замолчал.

— А-а, Пелагеи сын, — сама за Шурку ответила Груня.

— Вот-вот, — почему-то грозно пробасила Степанида — это та самая Пелагея, которая до революции у помещика в усадьбе была стряпухой? Мы, значит, тут мучаемся, жаримся возле печи, а она дома себе полёживается, хворающая видишь ли. Как помещика комить, так она здоровая была, а как своим колхозникам стряпать, так она сразу хворает. Срамота, сына — мальчика на работу выгнала. Водовоз нашёлся, воду не может вовремя привезти, — совсем не на шутку разошлась Степанида.

— Стешка, слышь, заглохни, — услышал Шурка знакомый спасительный голос деда Спиридона.

— А ты, Спирька, помалкивай. Небось не очень-то умаеваешься в своей конюшне? Тоже трудодни даром получаешь.

— Эх, Стешка, Стешка, ты бы лучше накормила мальчика, чем языком чесать. Уж больно он у тебя остёр. Наверное, точишь язык по ночам-то?

— Ты, Спирька, ночи мои не трожь, они тебя не касаются и, вообще, «не по Сеньке шапка», — как-то странно для Шурки ответила Степанида.

— Ну, ну, — прокряхтел дед Спиридон, — умная уж больно, накорми Шурку-то чем Бог послал.

— А Бог пока ишо ничего нам не послал, — уже спокойно ответила Стеша и почему-то тихо и задумчиво, будто у самой себя спросила:

— А, есть ли он, Бог-то?

Степанида махнула рукой и пошла за вёдрами, носить воду из бочки.

Тамара Иванченко

— Шур, иди, тут от завтрака каша пшённая осталась, — весело позвала его Груня, — я тебе её маслицем льняным сдобрю.

— Иди, иди, — подтолкнул дед Спиридон, — небось, маяясь с бочкой-то?

— Да нет, всё нормально, — соврал Шурка.

— Пусть тётка Степанида не говорит, что я зря получу сегодня трудодень, — думал он, а для пущей убедительности скрутил из трёх пальцев кукиш и пока никто не видел, крутил им в воздухе вслед удаляющейся Степаниды. Почему-то сразу стало легче, а когда съел целую чашку пшённой каши, то и вообще повеселел. И, сидя за длинным деревянным столом, Шурка вдруг захотел поозорничать и спросил Агрипину:

— Тётъ, а почему тебя называют грушей, а не яблоком? На яблоко ты больше похожа.

Шурка пригнул голову к самому столу, думая, что сейчас получит затрещину, но Груня только залиvisto рассмеялась.

— Ну, сорванец. Тоже мне, придумал — груша, яблоко.

И, ухватив своими толстыми мягкими пальцами отросшую за лето Шуркину шевелюру, потрепала его голову из стороны в сторону не больно и не злобно.

— Вот выдумщик! — продолжала смеяться Груня.

Женщины носили воду, ставили большие чаны на горячую, давно натопленную печь. Распряжённая Майка паслась поодаль от стана, время от времени высоко поднимая хвост и обмахиваясь им, как бабы обмахиваются платками в жару.

Сытый и довольный Шурка побежал в поле искать деда Спиридона, но так и не найдя его, вернулся назад в стан. Майка была уже запряжена в телегу, а бездонная бочка была пустая. Воду разлили по меньшим бадьям и развезли по полям.

— Ты где шляешься? — услышал он ворчливый голос Степаниды.

Но Шурку уже не трогала ругань поварихи, как поначалу.

Он сделал вид, что и вовсе не расслышал её слов. Решил не встречать с ней в разговоры и вообще держаться от нее подальше. Когда он уже собирался залазить на бочку, кто-то тронул его за руку. Возле телеги стояла улыбающаяся Груня и протягивала ему два огромных огурца.

— Это тебе на дорожку, — и почему-то спросила:

— В каком году ты родился?

— В одна тысяча девятьсот двадцатом, — бодро, как на уроке в школе ответил Шурка и переспросил:

— А чо?

— Да ничего, сказывают жизнь когда-то будет очень счастливой. Ты точно в этой жизни будешь жить, — как-то загадочно говорила Груня и смотрела куда-то далеко вверх Шуркиной головы. Он тоже туда посмотрел, но ничего не увидел кроме голубого неба с редкими облаками. Шурку прорвало, он еще хотел спросить Груню о счастливой жизни, но она прервала его:

— Ну давай, счастливчик, ехай! Пора уже.

Шурка в один мах взлетел на бочку, свистнул, громко крикнул: «Но!», для порядка хлестнул Майку вожжами, и телега с бочкой и седоком медленно тронулась в сторону конюшни, мимо деревни на речку Холоднушку до переката.

Телега тряслась по ухабистой дороге, а Шурка думал о Грушиных словах.

— Счастливый, — повторял он, поднимая к небу глаза, будто ища там объяснение счастью. — Счастье — это вороной конь, такой, как давеча во сне; это, конечно же, тарантас, а самое главное — это здоровая мамака. И ещё, пусть вернётся папка домой.

Он размышлял о счастье, а Майка сама шла к речке Холоднушке, где долго будет стоять по брюхо в ледяной воде, пока бочка не наполнится живительной влагой.

Шурка возвращался домой, когда на деревню опускался сине-серый вечер. Два огромных тополя, стоявших в конце

Тамара Иванченко

длинной и единственной улицы в деревне, тонули в мареве и казались двумя огромными призраками.

Было по-вечернему прохладно. Шурка прижимал руки к груди, сжимался в комочек, но теплее не становилось. Хотелось бежать, что бы побыстрее оказаться дома на теплой печке, но ноги были тяжёлые, как чужие. Возле калитки его встретил пёс Дымок, который от радости визжал, путался в ногах, лизал холодные Шуркины руки и щеки своим теплым, шершавым языком.

Шурка открыл дверь в тёмные сени, а потом прошёл в комнату. Комната освещалась неярким жёлтым светом керосиновой лампы.

— Б-р... — только и смог он вымолвить, трясаясь всем телом от холода.

— Шур, это ты? — послышался слабый голос матери с кровати в углу комнаты.

— Я, мам — тоже тихо ответил Шурка.

— Намайся, поди, сынок? Сейчас соберу тебе покушать. В углу скрипнула кровать.

— Лежи, мам, я есть не буду. Только молока попью.

Протопленная на ночь печка обнимала Шурку ласковым теплом. Керосиновая лампа с колыхающимся неровным пламенем кидала отблески света на стены и окружающие предметы. Эти отблески, переплетаясь с такими же неровными и будто двигающимися тенями, «рисовали» удивительные картинки на потолке над печкой.

Шурка всматривался в эти картинки, согреваемый с одной стороны разгорячённым во сне телом Витьки, а с другой мягким, мохнатым котом Васькой. Так лежал он в сладостной полудреме и незаметно для себя уснул.

А утром начнётся новый день, но это будет уже завтра.

Декарка

Шурка шёл по деревенской улице босиком и пыль, приятным прохладным шёлком струилась между пальцами. Его ноги периодически подбрасывали кверху то попадавшие камушки, то палочки, то всякую другую дребедень, валявшуюся на пыльной деревенской дороге. Поэтому шел он не по прямой, а зигзагообразно.

Было раннее утро. Косые лучи солнца медленно, будто лениво скользили по серым крышам домов и сараев, оставляя на них ровный серебристый свет, не выделяя и не останавливаясь на отдельных постройках. И только коснувшись капелек росы на листве деревьев и придорожной траве, солнечные лучики на секунду замирали и вдруг вспыхивали разноцветными красками.

Стадо коров ещё не проходило по улице, поднимая после себя клубы пыли и нарушая утреннюю тишину громким, протяжным мычанием. Поэтому воздух никем и ничем не потревоженный, ещё наполненный ночной прохладой, был свеж и ароматен.

Шурке не привыкать подниматься чуть свет. Вот и сегодня он встал вместе с мамакой ещё совсем затемно. Не позавтракав и, буркнув матери, что очень спешит по делам, стремглав выскочил из дома.

У него было пречудесное настроение и, негромко напевая недавно услышанную и понравившуюся ему песню: «Эх, яблочко куда ты катишься, ко мне в рот попадёшь — не воротишься...», он шёл, почти приплясывая от радости, которая так неожиданно свалилась на него.

Шурка шёл к своему другу Петьке. Сегодня тот уезжает с родителями на ярмарку в город и на целый день отдаёт Шурке своё самое большое богатство — велосипедный обод. Взамен

конечно Шурка должен будет вечером полить огурцы на Петькином огороде, но это такая малость по сравнению со счастьем — целый день быть владельцем обода.

— Вот пацаны обзавидуются, — думал он на ходу.

Откуда этот обод появился у Петьки, никто не знал, да и не было отродясь в деревне ни у кого велосипедов. Сам же он никому ничего не рассказывал. Одним словом — тайна. Петька был жадным и никому не давал свою драгоценность, сколько ни проси. А тут подвернулся такой случай — родители собрались на ярмарку, а Петьку не брали по причине, что вечером ему нужно полить огурцы, а днём присмотреть за хозяйством. Но как же хотелось на ярмарку, где полно всякого люда, весело и интересно. Шурка, как лучший друг подрядился помочь, но с условием, что Петька даст ему обод на целый день. Как же не хотелось отдавать обод, но желание поехать на ярмарку перевесило.

И вот Шурка шёл по дороге, держа в одной руке старый, ржавый, без спиц, изрядно помятый и ободранный велосипедный обод, а в другой аккуратно оструганную палочку. Он крутил в воздухе этой палочкой в такт напеваемой песне. Лицо его сияло. И пусть достался он совсем не по Петькиной доброте, пусть. Всё это было неважно.

— Какой я молодец! — хвалил себя Шурка, — Подумаешь, присмотреть за хозяйством и полить огурцы. Тьфу! Это раз плюнуть. — И он со знанием дела плюнул слюной через щель между передними верхними зубами, и плевков, просвистев в воздухе метра два, плюхнулся на дорогу, завернулся в серую, вязкую пыль.

Так он и шёл, крепко прижимая к груди обод. Перед глазами уже стояла картина, как он, управляя этой отструганной палочкой, покатит обод по дороге, поворачивая им то вправо, то влево. Главное держать палочку на ободе, не отрывая. Тогда обод не упадет, а будет катиться всё быстрее и быстрее, и Шурка будет едва поспевать за ним. А следом в клубах серой и липкой

Тамара Иванченко

пыли будут бежать все деревенские мальчишки с криками и гиканьем.

— Как здорово! — вслух сорвалось с губ.

Он засмеялся, вспомнив, как однажды он так же бежал за Петькой, а гуси, пасшиеся на траве у дороги, напуганные шумной ватагой ребят, разлетались в разные стороны, гогоча и хлопая крыльями. И только толстый серый гусак, вытянув шею и шипя, ещё долго бежал следом за ребятами и больно щипал клювом за пятки.

Шурка с гордостью подумал, что сегодня гусак не будет щипать его пятки, потому что он будет бежать за ободом первым.

Так незаметно в мечтах он дошёл до своего дома. Ещё возле калитки Шурка слышал громкие причитания матери. Мечты моментально улетучились и, он стрелой влетел в дом.

В полутьме комнаты он не сразу разглядел скорчившееся на лавке под образами тельце Витьки, который то тихо стонал, а то громко выл.

— Погодь, Витяня, потерпи миленький, — суежилась вокруг него мать. Её ссутуленное тело сейчас казалось ещё более худым и маленьким.

Увидев в проёме дверей старшего сына, она обрушилась на него:

— Где ты ходишь? Витька уже умирает, а ты окаянный ушёл и с концами. Немедля беги к лекарке бабке Лукерье. Знаешь поди где она проживает?

— Да знаю мамак, знаю, не впервой чай. Последний дом у околицы. А что случилось-то?

— Витька уже опять животом мается, горемышный. Кабы знать, как подсобить. Жа-а-алкенский ты мо-ой сыно-очек! — нараспев затянула тонким голосом мать. Она плюхнулась на колени и, задрав голову вверх к иконам, быстро и неистово стала креститься, постоянно громко спрашивая и прося:

— Господи, за что?.. Помогите Господи чаду моему Витяне...

Она резко наклонилась вперед, ткнувшись лбом в деревянные половицы, задрав кверху задницу. До Шурки доносились отдельные, отрывистые слова

— Иисусе Христе... Богородица... раб божий... Святые угодники...

Так же резко выпрямившись, мать гневно посмотрела на сына и неожиданно громко, визгливо закричала

— Ты еще стоишь, окаянный? Немедля беги!

Шурка от неожиданности отшатнулся назад, зацепился ногой за порожек и со всего маху рухнул в тёмные сени. При падении обод, который он всё ещё прижимал к груди, вырвался у него из рук и полетел по воздуху куда-то в темноту. Раздался звон разбитого стекла и дребезжащее падение обода.

Но Шурка уже не слышал ни сердитых криков матери, ни стонов брата. Он бежал по единственной деревенской улице и пыль уже не струилась прохладой между пальцами. От постоянной ходьбы босиком, кожа на подошвах была толстая, как кирза. Поэтому он не обращал внимания ни на острые камушки, ни на сучья веток, попадавшиеся на дороге. Да и не до них было сейчас. Он бежал, а следом бежали, наверное, все деревенские собаки. Они громко лаяли и без злобы, а больше играючи хватили его за штаны и пятки. Пытаясь избавиться от собак, он пинался и брыкался, как норовистый жеребёнок.

— У твари проклятые, сволочи, шельмы окаянные...

Шурка ругался на чём свет стоит. Благо в деревне было у кого учиться. Улица была безлюдной, поэтому он не стеснялся в выражениях.

Но вот, наконец, собаки отстали. Вдали показалась околица и изба бабки Лукерьи, огороженная плетнём, который местами повалился, а местами и вовсе от времени сгнил. Старая изба покосилась на одну сторону. Соломенная крыша зияла чёрными дырами, кое-где прикрытые сверху такой же старой и чёрной ветошью.

Шурка изрядно устал и запыхался. Он шёл к избе, свернув

Тамара Иванченко

с дороги по узкой и едва заметной в густой и высокой траве тропинке. Он шёл и смотрел на два окна Лукерьиной избы, которые, как ему показалось, тоже смотрели, но не на него, а в разные стороны своими глазницами с бельмами. Когда он подошёл и потянул дверь за щеколду на себя, то она оказалась не запертой и легко открылась. Шурку обдало кислым, спёртым воздухом. Он не стал заходить внутрь, а с порога позвал

— Бабка Лукерья, ты дома?

Внутри дома что-то скрипнуло, стукнуло. Послышались шаркающие шаги. В проёме двери показалась чёрная и лицом, и одеждой старуха.

— Чаво надо? — недружелюбно спросила она.

— Меня мамака прислала. Витька сильно животом мается. Скорее собирайся.

— Скоро сказывается, да не скоро деется, — скрипуче ответила Лукерья и продолжила:

— Ты кто будешь-то?

Она близоруко прищурила глаза, всматриваясь в лицо незванного гостя, отчего её лицо стало похоже на весенний гриб сморчок, который так же, как и Лукерья чёрен и морщинист.

— Да Шурка Иванов я, бабка Лукерья. Пойдём быстрее. Витька умирает.

— Господи, прямо уже и умирать? Впервой разве? Небось опять чаво нажрался? — сердито прошелестела старуха, шамкая беззубым ртом и тут же спокойно добавила

— Ну, коли надо идтить, то пойдём. Снадобье только прихвачу.

Лукерья не спеша, такой же шаркающей походкой пошла вглубь дома.

Из темноты комнаты, как из погребца, выскочила худая и такая же чёрная, как её хозяйка кошка. Шарахнувшись от Шурки, она убежала за угол избы. Провожая взглядом кошку, он только теперь увидел огромного, как телёнок пса. Пёс лежал

поодаль избы, лениво положив голову на передние лапы, и с любопытством следил за гостем. Шурка сразу заметил, что он без привязи. Пёс глухо зарычал, оскалил зубы и медленно стал подниматься во весь свой исполинский рост.

Шурку, как ветром сдуло с крыльца, и он очутился внутри бабкиной избы, которая была без сеней, поэтому он сразу попал в комнату. Комната оказалась очень маленькой с серыми давно небелеными стенами. Большую часть комнаты занимала печь. Между окнами стоял стол и придвинутая к нему лавка. Вот и вся обстановка комнаты. В углу под потолком несколько закопчённых икон, на которых от копоти уже и не просматривались лики святых. Чуть поодаль на стене в рамке несколько пожелтевших фотографий.

В проёме между стеной и печкой что-то шелестело и позвякивало. Временами вздыхала, кряхтела и охала старая лекарка.

— Большая у тебя печь, бабка Лукерья. Прямо не печь, а печище.

— Да, милай, я всеми бита и об печь бита, только печью не бита. Коли вру, так дай бог хоть печкой подавиться, — сердито ворчала Лукерья и, как казалось Шурке совсем невпопад. Однако она продолжала:

— А вот коли баба с печи летит, так семьдесят семь дум передумает. Да, печь, как мать родна, внучек, — и уже добрым скрипучим голосом сказала:

— На печи всё красное лето. Бывало сидишь у печи да слушаешь людские речи. Добрая-то речь возля тёплой печки. Вот так и жизнь пролетела. А таперича лежу на печи, да грею свои плечи. Вот так-то. Эх-хе-хе,.. — грустно закончила Лукерья, выходя из-за печки с узелком в руках. — Ну, пошли, милай, пошли. Поспешать надобно...

Лукерья шла медленно, согнувшись в пояснице и тяжело опираясь на клюку. Казалось, что земля притягивала к себе ее

Тамара Иванченко

тело — изболевшее, и много чего перенёсшее за свою длинную, трудную жизнь.

По дороге, пока шли домой Шурка спросил

— Бабка Лукерья, зачем тебе такая большая собака?

— Правда твоя, не нужна мне она. Приблудилась весной. Куды её таперича девать, сама не знаю. Живёт, не уходит. А чаво мне охранять-то? Стены одни да печь. Вот и всё мое богатство. Отродясь дверь не запирала. Пусть живёт. Может, ты куды пристроишь?

Шурка ничего не ответил, а Лукерья продолжала

— Да, внучек, как жизнь-то пролетела, а как живо все помню, будто намедни все и было. И муж был, и нету горемычного. А какой мужик-то был — расторопный да проворный. А работник какой! Таких таперича и нету мужиков-то. Вместе с сыночком в Гражданскую войну сгинул, как и не было их вовсе. Кабы хоть кресту поклониться, так и креста нетути. Эх-хе-хе.

Лукерья остановилась, вздохнула, потом перекрестилась и совсем уже обречённо продолжала:

— Живой не без места, мёртвый не без могилы. Эх-хе-хе...
— снова вздохнула Лукерья.

Шурка всю дорогу молчал, а тут не выдержал

— Бабка Лукерья, что ты всё заладила о покойниках, да о могилах. Аж жуть берет.

— Да, милай, живому именины, а мёртвому помины. Покуда жив человек, голодной смертью помирать не станя. Пойдём внучок лечить твою братца. Авось и заработаю чаво на обед. Поспешать надобно.

Но поспешать у Лукерьи не получалось. Она шла еле переступая больными ногами, переваливаясь с одной ноги на другую, как утка.

К полудню они наконец-то доплелись до места. Когда вошли в дом, то Шурка не сразу узнал мать. Лицо её распухло от слез и было таким же чёрным, как у лекарки. Витька лежал

на лавке навзничь и был весь белый, как недавно побеленая матерью печка. Он уже не стонал, а только хрипел.

Лукерья сразу будто помолодела лет эдак на двадцать. Движения её стали быстрыми, речь то отрывистая, то тягучая. Она подошла к Витьке, ткнула пальцем в живот и задумчиво сказала

— Тугой однако, — и тут же быстро заговорила:

— Прасковья, топи печь, будем чугунок греть. Чугунком эту болезнь и выньдем.

И обратившись к Витьке, продолжила:

— Не бойсь, выньдем эту окаянную болезнь-то.

Шурка забился в дальний угол комнаты. Ему было страшно. Он издали наблюдал, как мать возилась у печи, а лекарка хлопотала возле Витьки. Время от времени она выпрямлялась и, как генерал покрикивала то на мать, то на Шурку. Печка никак не хотела разгораться. Весь чад и дым валили в комнату. Обессиленная мать металась от печки то к Витьке, то к Лукерье, пытаясь всем помочь, но только мешала.

Наконец-то печь растоплена, и Лукерья велела Шурке достать из печи горящую головешку и окурить ею комнату.

— Окури хорошо, аккурат все уголки обойди. Надобно выгнать нечистую, — командовала лекарка и громким голосом продолжала:

— Дом пахнет дымом, а гроб ладаном.

— Акстись, бабка Лукерья, что ты несёшь-то? Какой гроб? Свят, свят, свят! — запричитала испуганно мать и быстро стала креститься на иконы.

Шурке от этих слов стало совсем плохо, голова закружилась, глаза наполнились слезами от дыма и от жалости к Витьке. Ничего не видя перед собой, он вслепую тыкал головешкой в разные стороны. Головешка трещала и больно стрелялась угольками на оголённые Шуркины руки и ноги. Слезы градом

Тамара Иванченко

лились из глаз. Шурка зажмурился и ткнул головешкой прямо в бабку Лукерью.

— Шурка, обалдел, небось! Хватя уже, дом подождёшь окаянный, — заворчала лекарка, продолжая мазать маслом вздутый Витькин живот.

Мать стояла рядом и, отворачиваясь, смахивала слезы краешком передника. Тоненьким голосом она тянула:

— Терпи, Витяня. Терпи, мила-ай. Родненький мой, Витя-я-я-нечка.....

Лекарка между тем взяла в руки нагретый в печи чугунок и со словами: «Ничего, родился — огнём крестился, составил — пеленами повился» и плюхнула чугунок на голый, намазанный маслом вздутый розовый Витькин живот. Витька заорал, задрыгал руками и ногами. Но тепло, которое исходило от чугунка, постепенно успокоило его.

Мать и бабка Лукерья сидели по обе стороны от больного и наблюдали за ним. Шурка, вытянув шею из угла смотрел, как чугунок втягивал в себя Витькин живот. Ему было странно, что Витька молчит. Ему казалось, что это очень больно. Шурка всё больше съеживался, подтягивая колени к самому подбородку.

— Так и живота совсем не останется. Какой храбрый Витька, — подумал он и сглазил.

Витька начал плакать, лекарка и мать успокаивали его и просили потерпеть ещё немного.

Однако он плакал все громче и громче. Когда же стал орать во всё горло, мать попросила:

— Лукерья, снимай ужо. Небось болезнь вышла. Больно чай ему-то.

— Ишь ты, больно ему. Жрать зелёные ранетки не больно, а лечиться больно. Куды там, терпи! — генеральским голосом приказала лекарка.

Но Витька терпеть не хотел и орал все громче. Шурке было невыносимо жалко брата, и неожиданно он подскочил к бабке Лукерье и стал кричать на неё:

— Как ты смеешь! Снимай немедленно!

— Ах, немедля. Прямо щас и сыму, глядите вы — язвила Лукерья

Тогда Шурка приблизился вплотную к лекарке и гневно посмотрел в её насмешливые глаза. Мать, которая до этой минуты покорно исполняла все приказания Лукерьи, поддержала своего старшего сына, и бабка Лукерья сдалась. И уже миролюбивым голосом, будто ничего и не произошло сказала:

— Ладно, не орите, сыму уже.

Она подошла к Витьке и стала затискивать свой скрюченный ревматизмом палец между чугуном и животом, пытаясь пустить воздух внутрь чугунка, что бы он отсоединился от живота. Но чугунок прилип к животу намертво.

Витька продолжал орать так, что у Шурки закладывало уши. Но грязный или чёрный от сажи палец лекарки никак не хотел пролазить в чугунок, который всё тянул и тянул в себя бедный Витькин живот. Шурке уже казалось, что не только живот, но и весь Витька с руками и ногами скоро залезет в этот проклятый чугунок.

Шурка стоял рядом с лавкой, на которой лежал многострадальный брат, и его глаза уже не плакали, а от ужаса раскрывались все шире и шире. Он не мог говорить и только наблюдал, как мать, заламывая руки в бессилии, бегала вокруг с причитаниями

— Ты уже чаво, старая... Ты чаво, сымай немедля. Щас я тебя колдунью старую задушу. Сымай, говорю! — распаялась всё больше мать.

— Милая, щас... милая, щас — бормотала бабка Лукерья и все тыкала и тыкала свой чёрный палец под чугунок.

Но чугунок точно приклеился и покидать живот никак не хотел.

— Шурка, беги за дедом Спиридоном, — крикнула мать в отчаянии, едва не теряя сознание.

Тамара Иванченко

Оцепенение мгновенно слетело с Шурки, и он помчался что было силы. Благо, что дед Спиридон жил по соседству и на эту минуту находился дома. Долго объяснять ситуацию Шурке не пришлось. Дед Спиридон понял всё с первых же сбивчивых слов. Глаза его сердито сощурились, брови хищной птицей опустились на самые веки, губы побелели. Он молча вышел из дома, в дровняке взял топор и стремительной своей походкой — головой вперед — быстро пошёл по улице. Ноги у него, как всегда не успевали за стремительностью головы. Он шёл, рассекая воздух седой, почти лысой головой, широко размахивая топором.

— Наверное, он хочет убить бабушку Лукерью, — пронеслось в голове у Шурки. Он еле поспевал за дедом.

— Ну и поделом ей. Лекарка называется. Пришла, а лечить не умеет. Вот сейчас дед Спиридон ей покажет. . . — рассуждал на ходу Шурка. О том, что именно дед Спиридон должен показать бабушке Лукерье, он не задумывался. Но ему очень хотелось как-то наказать лекарку, которая, по мнению Шурки, мучила брата.

— Покажи, покажи ей, дед Спиридон, — в спину деду кричал Шурка. Он торжествовал. Ему хотелось отомстить лекарке за Витькины страдания.

Первым в комнату влетел весь взъерошенный, красный и запыхавшийся дед Спиридон. Его сердитые брови то поднимались на лоб, то опускались вниз. Отчего казалось, что глаза стреляли искрами.

— Лукерья, ты не лечишь, а в могилу мечешь, — гневно прорычил он с самого порога, размахивая топором и направляясь в сторону Лукерьи, которая колдовала вокруг Витьки.

«Вот сейчас он грохнет её!» — протискиваясь вперед, подумал Шурка.

Бабушка Лукерья резко выпрямилась, лицо ее из черного вдруг стало белым. В глазах ужас и страх. Мать, его маленькая

и хрупкая мамака вдруг встала впереди Лукерьи, стрельнула сердитыми глазами на деда Спиридона

— Опомнись, Спиридон, — вдруг громко заговорила мать, растопыря руки, загораживая ими бабку Лукерью.

Шурка растерялся. С одной стороны он увидел хотя и старого, но сильного мужчину, а с другой стороны двух беззащитных женщин, а между ними голый Витька на лавке. Ему всех стало жалко и от бессилия что-то изменить, он заплакал.

Но дед Спиридон решительно оттолкнул рукой мамаку и бабку Лукерью в сторону. Подошёл к оравшему во все горло с чугунком на животе Витьке. На мгновение дед остановился, глянул на Витьку сердитыми глазами, потом на чугунок, поднял руки с топором кверху и замахнулся.

Шурка зажмурился.

— За что Витьку-то? — пронеслось в голове.

Он открыл глаза, хотел схватить деда Спиридона за руку, но в следующий миг услышал и увидел, как топор опускается к чугунку и не сильно бьёт его обухом по боку. Слышится звон удара топора об чугун. А в следующий миг осколки чугунка посыпались на пол.

Витька сразу замолчал. У Шурки подкосились ноги, и он в изнеможении плюхнулся на пол. Мать облегчённо вздохнула.

— Ну вот, кажись и вылечился, — спокойно, как ни в чем не бывало, сказала бабка Лукерья.

— Да, дурака учить, что мёртвого лечить. Это я о тебе Лукерья, — уже спокойно, насмешливым голосом ответил Спиридон.

Лекарка же сделала вид, что не расслышала насмешку Спиридона и продолжала:

— Пелагея, дай хотя бы яичек. Давеча бесплатно тебя лечивала. За два раза ладно уж десяток яичек хватя.

— Шура, яйца там в сенях в кошёлке, принеси. Спасибо тебе, бабка Лукерья, за подмогу и тебе, дед Спиридон, за то, что ужо вовремя ты подоспел.

Тамара Иванченко

Мать засуетилась по комнате, лекарка осторожно пере-
кладывала яйца из кошёлки в свой узелок.

Дед Спиридон сидел у лавки уже накрытого одеялом Витки
и гладил его мокрые от слёз и пота волосы и щёки, к которым
постепенно возвращался румянец.

Немного погодя, когда Витька убежал за сарай по нужде,
дед Спиридон крикнул, погладил рукой свой широкий подбо-
родок и, повернувшись к Пелагее сказал

— Как же так, Пелагея? А кабы загубила Витьку-то? Чай
тридцать второй год на дворе, а ты — лекарку в дом. Дохтурша вон
в районе есть. Сказала бы. Запряг бы Маечку и отвёз бы Витьку
к ейтой дохтурше. Ай, Пелагея, Пелагея. Ума у тебя нет.

— Шибко ты умный, дед. Сам давеча с чирём к бабке Лу-
керье ходил.

— Так то чирей, а то живот. Надо понимать, Пелагея.

— Все обошлось, дед, и слава Богу. И спасибо тебе за по-
мочь. Иди с Богом. Дел полно. Некогда лясы точить.

Вечером Шурка сидел у окна и смотрел, как струи дождя
лизжут оконное стекло. Дождевая вода во дворе сначала образо-
вала лужи, потом эти лужи превратились в море, а потом вода
огромной речкой потекла на улицу, образовав там всемирный
потоп. Так размышлял Шурка под мирное Витькино посапыва-
ние на печке. А ещё он думал: «Как хорошо, что все остались
живы и здоровы. Если не будет бабки Лукерьи, то кто же будет
лечить людей в деревне? Нет, пусть живёт. Да и не виновата она.
— Витька сам наелся зелёных ранеток в саду у Степаниды.

За всеми этими хлопотами Шурка совсем забыл про велоси-
педный обод, который валялся где-то в пыльных сених. Да это и
не важно, зато не нужно идти поливать Петькины огурцы. Как
говорят, не бывает худа без добра.

Ворона

Шурка с другом Петькой и братом Витькой сидели на коряге, которая торчала из реки Холоднушки. Когда-то здесь стоял столетний тополь, но со временем вода подмыла корни и огромное дерево рухнуло поперёк русла реки. Получился искусственный деревянный мост. Шурку это событие очень обрадовало.

Дело в том, что деревня Чебриковка, в которой жил Шурка, была на одном берегу реки Холоднушки, а школа стояла на косогоре на другом берегу, в деревне Бабенка. В эту школу ходили дети и из Чебриковки, и из Бабенки. Чебриковским детям приходилось ходить в школу по мосту, который был в конце деревни, а потом еще пройти через всю Бабенку, так как школа стояла на противоположном конце деревни, в бывшей помещицкой конюшне. Конюшня была длинная. При советской власти ее отремонтировали и с одного крыла приспособили под школу, а с другого — под клуб. В школе дети обучались только с первого по четвертый класс и учила всех одна учительница.

Теперь этот искусственный мост из упавшего дерева находился почти напротив Шуркиного дома и намного сократил дорогу в школу. Как можно было не радоваться этому событию!?

Итак, Шурка, Витька и Петька сидели на стволе упавшего тополя и болтали в воде ногами. Вода в Холоднушке была такая холодная, что долго не поболтаешь, ноги не просто замерзли, а коченели.

Петька, макая в воду черствый сухарь, спросил:

— Шур, а помнишь, я давал тебе покатать свой велосипедный обод?

Петька загадочно посмотрел на Шурку и с шумным удовольствием втянул в себя ароматную воду из сухаря. Он даже глаза закатил в блаженстве.

— Ну и чо? — Шуркин мокрый сухарь застыл в воздухе.

— Ты тѐ? — прошепелявил Витька. — Он же не катал твой обод, он меня лечил. Если бы не Шурка, то я бы уже давно... тью-тью... — многозначительно произнёс Витька, причмокивая во рту размякшим сухариком.

— Шур, ты чо молчишь? — не унимался Петька. — Катал-не катал, всё одно он у тебя целый день был. Ну и катал бы, а Витьку и без тебя бы вылечили. Доктор кислых шей нашёлся, — побольнее хотел обидеть Петька и громко изрёк:

— Так что долг, Шурка, остаётся за тобой!

— Какой ещё долг? — возмутился Шурка, выбросив в речку сухарь.

Вокруг сухаря на поверхности воды тут же собралась стая мелких рыбёшек. Они бойко щипали мокрый хлеб, суетясь и отнимая друг у друга кусочки.

— А вот такой! — ехидно сказал Петька. — Что ты за обод должен был сделать?

— Полить огород, — раздраженно ответил Шурка.

— А почему ты не полил? — искоса поглядывая на братьев, еще ехиднее спросил Петька.

— Вот дурень ты, в тот же день дождь пошёл, — засмеялся Шурка и достал из-за пазухи очередной ржаной сухарь.

— Правильно, дождь пошёл, но долг-то твой остался? Ты ведь огород мой не поливал? Не поливал! Значит и долг твой целёхонек остался, — развалился на коряге Петька, уверенный в своей правоте.

— Совсем ты, Петька, очумел! Уж сколько времени прошло, а ты вспомнил. Ты бы ещё вспомнил, что в прошлом году было или

Тамара Иванченко

при царе Горохе. Мне и своего огорода хватает. Мамака с Настей в этом году тьма, как много насажали! Разворачивайся только.

— Ты, Петька, того, совсем очумел, — писклявым голосом прокричал Витька и стал отодвигаться от бессовестного друга. — Шур, пойдём домой, ещё давеча мамака звала.

Братья встали и, держась за ветки, перешли на берег, хотя Петьке очень хотелось, чтобы они свалились в Холоднушку. Поэтому он старательно прыгал, отчего ствол дерева ходил ходуном.

— Не вожусь я с тобой больше, Петька, — обиженно сказал Витька и крепко взял за руку брата.

Они шли по хорошо утоптанной, потрескавшейся без дождей тропинке. А по бокам возвышались лебеда с колючими метелками, жёлтый раскидистый донник, огромные кусты лопухов с розовыми на макушке круглыми колючками и жгучая крапива. Терпко пахли сизая полынь, Melissa, и от легкого дуновения ветерка, точно маленькие флажки, развевались нежные кисти ковыля.

Еще издали братья увидели возле своего дома лошадь, запряжённую в телегу.

— Небось, папка приехал! — закричал Витька и шустро побежал, придерживая руками сползающие штаны. Шурка тоже не стал долго раздумывать и помчался быстрее брата.

— Постой, Шура, постой...

Но брат бежал так быстро, что не слышал Витькиных слов. Шурка влетел в дом, весь взъерошенный и запыхавшийся.

Сидевшие за столом мамака, папка и сестра Настя, повернулись к неожиданно ввалившемуся в комнату Шурке.

— Что, от гусака, чай, бежишь сломя голову? — насмешливо и непривычно высоким голосом спросил отец, прищурив глаза и громко засмеялся.

— Па-а-пка! — вырвалось у Шурки, а в следующий миг отец уже крепко обнимал сына, и плечи его вздрагивали то ли от смеха, то ли от слёз. Тут через порог, держась одной рукой за портки, а другой за косяк, вполз толстый Витька, беспрерывно повторяя:

— Папка приехал, папка приехал!..

Отец, отстранив в сторону старшего сына, подхватил Витьку и подбросил к потолку, чуть не задев круглой его головой о чёрную низкую балку.

— Папка, уронишь! — кричал счастливый Витька.

— А может, лётчиком будешь и высоко-высоко в небо полетишь? — шутил отец, снова подкидывая Витьку.

— Папка, отпусти! — просил брат.

Все в доме смеялись, шутили, царили веселье и радость. Такой минуты давно уже не бывало в доме Ивановых.

Отец поставил на пол сына и повернулся к дочери.

— Настя-то уже совсем невеста. Женихи-то порог, наверное, весь вытоптали? Красивая, в мою породу.

— Да брось, папка, какие там женихи? Парамон-конюх всё поглядывает, кругами ходит, а подойти, видать, смелости не хватает.

— Ничего, Настюха, женихи ещё будут, не горюй. Такую красу мимо не обойдут.

Отец почесал затылок, редкую бороденку и снова сел на табурет.

— Я вот чего приехал-то, посоветоваться надо. Уезжаю на несколько дней в другой район, посылают туда поработать. Говорят, ёнышный писарь то ли заболел, то ли уже умер. Работы у них много. Сказывают, подсобить надо. Председатель посылает.

— Ну как надоть, так и поезжай себе. Вот тебе Бог, а вот-

Тамара Иванченко

порог,.. — мать перекрестилась. — От нас-то чаво тебе надо? Ужо вспомнил про нас? Поди, два года и носа не показывал, а тут — диво-дивное, месяц явил рога свои. Яви нам, Господи, милость твою. У тебя таперича другая жена, с ней и советуйся.

В комнате повисла гробовая тишина, слышно было лишь тиканье часов на стене, и в этой тишине, срываясь на крик, мать проголосила:

— Язжай, откуда явился! Мы-то тебе зачем, окаянный? Век свой кривить душой будешь? Погоревала бы и будя! Нет, явился! Радуйтесь ему! Хватит маять, сказывай, что надо?

Отец заговорил тихим извиняющимся голосом:

— Жена остается одна дома, больная она, не управится с хозяйством-то, подсобить бы ей надо. Возьму Настю в подмогу.

— Нет! — резко крикнула мать и встала впереди Насти. — Я цельный год тебя прокликала: и день и ночь покуда голос был, а посла перестала, выздоровела. А ты таперича снова моей гибели хочешь? Не пушу! Акромя Насти кто нам трудодни зарабатывать будет? По миру пустить хочешь? Не дам. Моё слово твёрдо!

Настя стояла молча, ей совсем не хотелось ехать к новой жене отца. Да ещё и помогать ей по хозяйству. Она опустила голову и думала: «У, окаянная, пусть сама управляется, змея подкодная. Недаром все в деревне и далее деревни её называют Вороной. От ворон, поди, отстала, а к павам не пристала. Так и осталась Вороной. Увела папку нашего, а теперь ещё помогай ей. Ну уж нет! Ворона летела, собака на хвосту сидела... Пусть вот собаки ей и помогают», — решила Настя. Но вдруг выпалила:

— Пусть вон Шурка едет. Уже большой. Нужно учиться по хозяйству управляться. Заодно познакомится с Во... с новой папкиной жёнушкой.

Шурка насупился и косо посмотрел на Настю.

— Ну ты и сказала. Мне не нужно учиться по хозяйству управляться. Я все умею делать.

Шурке очень не хотелось помогать какой-то там Вороне. Но, как говорят, умей сказать, да умей и промолчать. Шурка сильно пожалел о своем хвастовстве. Однако, сказано-сделано.

Настя тут же подхватила:

— Вот-вот, все умеет делать, по хозяйству управляется, помощник будет хороший. Цены ему, отец, не сложишь. Поезжай Шура, — решила за всю семью Настя. Отец промолчал, а мать запротивилась, запричитала:

— Чужую жёнку обслуживать сиротинушке, ужо чаво придумала. Пущай та Ворона, али как там её по-человечески-то зовут, сама себя обиходует.

Мать подняла к глазам передник и тоненьким голосом завывала.

— Да ладно, мать, — отец приобнял её за плечи, — почему это Шурка сиротинушка при живых-то родителях, не навсегда же уезжает?

Мать машинально положила свою голову отцу на плечо, но тут же резко отстранилась. И уже спокойным голосом сказала:

— Шура, поезжай. Помоги отцу-то. Но так и знай, что это не Вороне, а отцу помогаешь. Понял, сынок? Ну, помогай тебе Бог. И она перекрестила сына в дорогу.

— Шур, не думай ничего плохого, я тебе заплачу за помощь, — торопливо проговорил отец.

— Бог заплатит, — коротко сказала мать и вышла из комнаты.

Вокруг отца завертелся Витька:

— Папань, возьми и меня с собой помогать. Я тоже всё могу делать.

Тамара Иванченко

— В следующий раз, сынок.

Он снова поднял Витьку, поцеловал, поставил на пол и погладил по голове.

— Витянь, я там гостинцев привёз, посмотри на столе в кулке.

Витька кинулся к столу, зашуршал бумагой, а Настя, отец и Шурка вышли на улицу. Запряжённая в телегу лошадь стояла на прежнем месте, дожидаясь хозяина.

Мать больше не появлялась. Отец подошёл к Насте, притянул её к себе и поцеловал в лоб.

— Ну, бывай здорова, Настёна, — проговорил отец, устраиваясь поудобнее на телеге.

Они долго тряслись по пыльной просёлочной дороге. Шурка ехал в неизвестность, поэтому думать ему ни о чём не хотелось. Он равнодушно провожал глазами ельники и березняки, мимо которых они проезжали. Отец тоже молчал всю дорогу, наверное все думал и передумывал о том, что случилось сегодня в доме, а может, и вообще о жизни. Кто его знает? Человеку в душу не заглянешь.

Солнце уже заходило за горизонт, окрашивая окрестность в розово-лиловые тона, когда они подъехали к дому, в котором теперь проживает отец. Шурка увидел большой, крепкий, из тёсаных брёвен сложенный дом со всякими хозяйскими постройками. Во дворе суетились по своим птичьим делам куры, утки, гуси, гордо расхаживал петух, вытянув длинную шею, а в хлеву визжал, требуя еды, боров.

Из калитки выскочил лохматый, огромный серо-черный пес, который сначала обласкал и облизал своего хозяина, а потом принялся за Шурку. Отбиваться от него было совершенно бесполезно, такой он был ласковый и добродушный.

— Это мой верный Дружок, мой соратник по охоте. Все окрест мы с ним прошли с ружьем, — ласково говорил отец, поглаживая пса. Тот запрыгал, залаял от радости.

Из дверей дома вышла немолодая, очень высокая, худощавая женщина с иссиня-чёрными с проседью волосами в ярко-красной юбке. Она приветливо улыбнулась и жестом пригласила в дом:

— С приездом, муж дорогой.

Шурка зажмурился. Лучше бы она вообще не раскрывала рта! А ещё лучше, если бы она была немая. Никогда в жизни он не слышал голоса более отвратительного. У неё был низкий голос, который при разговоре неожиданно срывался на самые высокие до визга ноты. Ну, поистине, ворона каркает. Шурка отродясь такого голоса не слышал.

Она прищурила глаза и осмотрела Шурку с головы до ног.

— Да уж, помощник — маленький, худенький, в чём и душа-то держится.

— Я маленький, но жилистый, так дед Спиридон говорит, а он всегда говорит правду, — объяснил свою худобу Шурка.

— Ну что ж, жилистый, проходи в дом, будем ужинать чем Бог послал.

А Бог послал на ужин, видимо, совсем неплохую еду. В просторной, чисто убранной комнате крепко пахло наваристыми щами.

Отец снял кепку и сапоги у порога, обнял сына за плечи и усадил рядом с собой за большой дубовый стол. Ворона достала ухватом из печи душистый чугунок со щами, нарезала крупными ломтями свежее испечённый ржаной хлеб, дала каждому по миске и ложке.

У Шурки от таких ароматов закружилась голова. Он только сейчас вспомнил, что за весь день съел утром крутое яйцо, да пососал днём, намоченные в Холоднушке, сухарики. Под ложечкой засосало, а рот наполнился слюной.

— Ну, чем наша хозяйка будет нас угощать-потчевать? —

Тамара Иванченко

весело заговорил отец, потирая руки и ещё ближе придвигая к себе Шурку.

Большим деревянным половником Ворона налила всем щей, а в миску отца положила большой кусок мяса. Это мясо отец переложил сыну:

— Ему нужно расти, пусть ест.

Ужинали молча, изредка отец с Вороной перебрасывались парой-другой слов по хозяйству. Ужин запили квасом.

Шурку положили спать на широкую лавку, застеленную овчинным полушубком, сверху накрыли красным ватным одеялом. Длинная дорога и сытный ужин сморили его, и он моментально уснул.

Проснулся от того, что через редкую кисейную занавеску прямо в глаза светило яркое солнце. Шурка лежал на лавке, свернувшись калачиком, и не мог понять, где он находится. Голубая, свежепобеленная печь стояла возле стены, а не посередине комнаты, как в родном доме. В красном углу нет икон, как у мамаки. А прямо перед глазами возвышалась широченная кровать. Не кровать, а картина! Вся в вышивках и кружевах. До самого потолка пирамиды подушек, расшитые райскими птицами и невиданными цветами. Такой красоты Шурка еще никогда не видел.

Он спустил ноги с лавки. Весь пол в комнате был устлан домоткаными полосатыми дорожками. Он так и сидел бы молча — с разинутым ртом от увиденного, но тут распахнулась дверь и вошла Ворона.

— Всё спишь, помощник. Петухи уже давно прокричали.

Шурка взглянул на неё, она была всё в той же красной юбке, чёрной кофте и в чёрном с красными цветами шелковом платке, обмотанном вокруг головы. Длинная бахрома платка свисала, как перья у вороны. Она недоброжелательно сказала, будто прокаркала:

— Что сидишь-то сиднем? Марш за водой!

— А папка где?

— Папка твой ещё на рассвете уехал. Вдвоём мы с тобой на хозяйстве. Давай пошевеливайся.

— Тётъ, а покушать?

— Принесёшь воды, потом и покушаешь. Не наелся, что ли, вчерашнего мяса?

— Так это было вчера.

— Иди, иди, — Ворона рукой подталкивала его к двери, — ведра там, у крыльца стоят.

Шурка вышел на улицу. Солнце уже стояло высоко. По двору, как оглашенные носились куры, и гордо расхаживал жирный боров таких размеров, что он пугал не только кур, но и Шурку. К счастью, калитка была открыта, и боров, почесав свой грязный щетинистый бок о столб, неожиданно побежал вдоль улицы, чему все обитатели двора обрадовались. Петух прокукарекал для порядка, и всё пошло своим чередом.

Возле крыльца Шурка увидел очень большие вёдра. Выше его колена.

— И где она такие большие вёдра раздобыла? Как же в них принести воды? — он в нерешительности остановился на крыльце. Следом вышла Ворона и недовольно толкнула его в спину:

— Целое утро тебя жду, давай быстрее, колодец в конце деревни.

Шурка схватил одно ведро и побежал к колодцу. Но одно дело бежать с пустым ведром, а другое дело — с полным. Согнувшись в три погибели, с трудом отнёс ведро шагов на десять. Потом он менялся руками и снова — рывок на десять шагов. И так попеременно до самого дома через всю деревню. От полного ведра воды осталась едва ли половина.

Тамара Иванченко

Когда Шурка принёс домой полведра воды, Ворона возмутилась:

— И сколько же ты будешь носить так по полведра? Бери два ведра.

Шурке ничего не оставалось, как взять два ведра и волоком тянуть их к колодцу. От колодца таскал их по очереди. Несколько шагов несёт одно ведро. Поставит. Идет за другим. С трудом подтащит второе ведро. Да ещё и расплескать боится, Ворона заругает.

— Помощничек!.. — только и знала, что бурчала Ворона.

— Тётъ, ты болеешь, зачем тебе столько воды?

— Вода нужна для стирки, а моя болезнь тебя не касается, понял? Иди лучше завтракать.

Усталость рукой сняло, и он стремглав влетел в дом.

— Садись,.. — Ворона заботливо пододвинула ему миску с ложкой. В миске было что-то жидкое. Шурка поковырялся ложкой и спросил:

— Тётъ, а что это?

— Это тюрю. Мелко нарезанные огурцы на воде. Ты что, никогда не ел тюрю?

— Наша мамака в тюрю крошит хлеб или сухари, а иногда тюрю делает на молоке или квасе.

— Сильно ты разборчивый, ешь, что на столе. Да не задерживайся, воды нужно много.

Он молча ел воду с огурцами, и когда миска опустела, Ворона спросила: «Наелся?», он соврал: «Наелся.»

— Тётъ, а ты почему не ешь? — поинтересовался Шурка.

— Я уже поела, что ты обо мне заботишься? Иди лучше за водой. Да два ведра бери, мне до ночи что ли стирать?

Он снова взял два ведра и поплёлся к колодцу. На этот раз возле колодца была какая-то женщина. Она пришла за водой с коромыслом. Слово за слово — завязался разговор.

— Чей ты малец? У нас в деревне таких нет.

— А я Степана Иванова сын.

— А разве есть у него дети? У них с Вороной нет детей.

— Есть у него дети в Чебриковке.

— Ах ты пострел, детей бросил, а к пустой бездетной Воро-
не прибился. Стало быть, что бы хлопот было меньше?

— Не знаю, тетя, но папка у нас хороший и любит нас.

— Да,.. дела твои, Господи...

— Тётъ, а как Ворону зовут? Как-то неудобно, все тётей да
тётей её называю, а она молчит, не поправляет.

— А она, сынок, наверное, уже и сама не помнит, как её
зовут. С детства Вороной кличут за чёрный облик да каркающий
голос. Она на Ворону-то уже и откликается. Признала, наверное,
своим именем. Да ну её к лешему, Ворону твою. Давай помогу
тебе. — Она ловко нацепила ведра с водой на коромысло и,
раскачивая бедрами из стороны в сторону, быстро пошла вдоль
улицы. Когда они подошли к калитке, возле дома, кроме сует-
ливых кур, никого не было.

— Выйди, Ворона. Я знаю, что ты меня слышишь, — гром-
ко позвала тёгенька.

— Что раскричалась? — выйдя из дома, зашипела Во-
рона.

— А у тебя ещё поболе есть вёдра? В этом ведре и самого
мальца утопить можно. Сгубишь его такими ведрами.

— Я без тебя разберусь в своём хозяйстве! Заступница
нашлась.

— Да это ж не хозяйство — это мальчишка.

— Ладно, щас принесу поменьше, — недовольно провор-
чала Ворона и ушла в дом.

— Спасибо, тетя. — Шурка незаметно боком прижался к
незнакомой, но, как показалось ему, такой родной тёте.

Тамара Иванченко

— Называй меня тётя Люба, а если будет вовсе не вмоготу, то приходи ко мне. С моим сыном Ванькой поиграешь. Ну, бывай.

И она пошла, так же размеренно покачивая бедрами. Ворона вынесла из сеней вёдра вдвое меньше прежних.

— На, раз ты такой хилый, а ещё говоришь жилистый.

С этими ведрами дело пошло быстрее и совсем скоро бочка наполнилась. Заодно налил воду и в лохань для уток и гусей.

Ворона стирала бельё здесь же во дворе и, не разгибаясь, громко сказала:

— Потом пойдём полоскать на речку, поможешь бельё нести. А пока погуляй.

Шурка в деревне никого не знал, гулять было не с кем, он сидел за забором на сваленных бревнах и скучал. Тут он вспомнил про Дружка: что-то его целый день не видно.

— Тёть, а где Дружок?

— А вон, в хлеву закрытый — путается в ногах, только мешает.

Шурка открыл щеколду на дверях хлева и утонул в объятиях лохматого Дружка.

— Тёть, а можно мы с Дружком сходим на речку искупаться, уж больно он после хлева грязный и вонючий.

— Вот пойдём бельё полоскать, тогда и искупаетесь, — как отрезала Ворона.

Эта странная по обличью, а особенно — по прозвищу, женщина нещадно тёрла и колотила бельё на стиральной доске. Шурку это забавляло.

— Тёть, до дыр протрёшь. Разгадай загадку: «Три, три и три — что будет?»

— Ну и загадка. Конечно, будет девять.

— А вот и нет, а вот и нет, не отгадала!

— А сколь же будет? — она удивлённо посмотрела на Шурку.

— А будет дырка, тётя! — Шурка засмеялся и покатился на траву. — Ты трёшь, трёшь, трёшь, и у тебя скоро будет дырка, дырка, дырка... Ха-ха-ха... — он смеялся и никак не мог остановиться. Дружок визжал и валялся на траве вместе с Шуркой.

— Ах, ты негодник, ах ты шутник! А я вот сейчас палкой по голове — бах, бах, бах — и что будет? А будет большая шишка,.. — засмеялась Ворона.

— Голь ты перекатная, Шурка, — продолжала смеяться Ворона.

— Почему же это я голь перекатная? — спросил Шурка.

— Да потому и перекатная, что катитесь по жизни с пустыми брюхами, как перекасти-поле по целине, — с уверенностью высказалась Ворона, выпрямляясь над корытом и тряся в воздухе белоснежной простыней.

— Почему это мы с пустыми брюхами? — не унимался Шурка. — Вот вчера целый кусок мяса съел.

— Какого мяса? Что отец от себя оторвал? А дома-то что вы едите — пустые щи да полбу?

— Неправда, мы картохи насажали, капусты, огурцов и много всего другого. — Шурка чуть не плакал. — Мы не виноваты, что ты у нас папку забрала.

— Забрала?! Да как же можно забрать живого человека? Он же человек, а не кукла. Так мамка твоя, видно, сильно его держала.

Ворона выпрямилась, подбоченилась и довольным голосом сказала:

— Пошли на речку бельё полоскать.

— Тётя, а папка, вроде, говорил, что ты хвораешь? Что-то не видно, — Шурка с сомнением посмотрел на Ворону.

Тамара Иванченко

— А я притворилась, думала, если заболēju, то он дома останется и никуда не уедет. А он всё равно уехал. Ну уехал и уехал, что ж теперь. Скоро приедет, не забудет свою воронушку, — и она то ли засмеялась, то ли закаркала.

Тяжёлое ведро с мокрым бельём больно било по ногам, но Шурка терпел, потому что он жилистый.

Речка протекала совсем рядом с деревней, за огородами. Ворона поставила ведра на землю, растопырила в разные стороны руки и с гордостью сказала:

— Видишь, вот это всё наш огород. Начинается вон от той ветлы и заканчивается вон тем мшистым ручейком. Бельё прополощем, отдохнём и пойдём поливать.

У Шурки захватило дух от такого огромного огорода и сразу испортилось настроение.

«Это сколько же тут нужно поливать?» — с огорчением думал он.

— Веселее, Шурка, ты же будущий солдат, — засмеялась Ворона, увидев, что Шурка загрустил.

«Я будущий солдат, но не полоскальщик белья у женщины, которая притворяется больной», — думал он.

Ворона полоскала бельё лихо и очень быстро справилась с этим занятием.

Настроение у Шурки поднялось, когда Дружок утащил его в речку купаться. Вот уж и наплескались они в волю! Вода была приятная. Шурка далеко за середину речки кидал палку, а Дружок приносил её. Потом мокрые и дрожащие от холода, они грелись и обсыхали на солнце.

— Теть, а здесь наверное и рыб полно, вода тёплая.

— Да, приносит твой отец и сазанов, и подлещиков, и окунишек. Уж больно я не люблю ершей, колючие шибко. Я их для навара варю, а потом выбрасываю кошкам.

При этих словах рот у Шурки опять наполнился слюной, тюрю с огурцом совсем не насытила живот.

Вернувшись домой с речки, Шурка сидел на крыльце, играл с Дружком, который теперь был чистым и лоснился на солнце. Ворона развешивала бельё, напевая какую-то песню, которая больше напоминала курлыкание. И скоро весь двор был завешен белоснежным бельём.

— Всё, пошли обедать, — наконец-то сказала она заветные слова.

Ворона поставила на стол две миски, мелко нарезала в них свежие огурцы и залила водой.

— Что, на обед тоже одна тюрю? — возмутился Шурка.

— Почему одна тюрю, вот тебе ещё ржаные сухари.

Ворона положила на стол несколько сухарей. Ели молча. Шурка чуть не плакал, ему невыносимо захотелось домой, к его больной, но доброй и щедрой маме.

— Шура, помоешь миски, а я уж больно притомилась, отдохну.

Она подошла к кровати-великану. Шурка думал, что она так в грязной красной юбке и завалится сверху на кровать, на всю эту красоту. Однако Ворона взяла телогрейку, встала на колени перед кроватью, положила телогрейку под кровать, а потом переверотом закатилась на телогрейку.

Уже через минуту из-под кровати послышался крепкий, здоровый храп. Шурка смотрел на грязные миски и думал:

— Зачем я здесь? Ворона здоровая, не больная. Притворилась только больной. Поливать вечером её огород? Хотя маме говорила, что это помощь не для Вороны, а для отца. Это конечно так, если бы она была больная, но она же здоровая. Ворона, она и есть ворона, да ещё и брехливая. Шурка вздохнул, — пришли мысли о доме.

Тамара Иванченко

— А кто же наш огород поливать будет? Больная мамака? Настя до темна в поле.

И Шурка, помыв миски, твёрдо решил идти домой пешком, пока Ворона спит. Он вышел на крыльцо, позвал Дружка и зашагал по пыльной дороге к родной Чебриковке. Верный пёс всё время крутился рядом, время от времени отвлекаясь то на бабочек, то на кузнечиков. Иногда Шурку подвозили попутные подводы, так он всё ближе и ближе приближался к родному дому.

Вечерело. И когда лучи солнца скользили по земле, окрашивая дорогу в жёлтый цвет, Шурке казалось, что они с Дружком идут домой по золотой дороге. Вдали уже показались огромные великаны-тополя, которые росли сразу за околицей Чебриковки. На душе было радостно и весело...

Удачная рыбалка

Рыбалка сегодня заладилась на славу. Шурка то и дело таскал из воды рыбешку. Только насадит червя, только забросит удочку, а рыбка уже тут как тут, клюет. Рыбы он наловил хоть и мелкой, зато много. Поди штук двадцать сидели в воде у берега на кукане.

Удочка, сделанная из ветки ракиты, была лёгкая и гибкая. Одно удовольствие было ею рыбачить. Один поплавочек чего стоил. Шурка сделал его сам. В чулане среди хлама нашёл пробку, которой когда-то затыкали бутылку с самогоном. В эту пробку воткнул белое гусиное перо. Вот и вся премудрость, зато поплавок получился на славу. Его хорошо видно над рябью воды, а когда клевала рыба, то он дрожал или качался из стороны в сторону. Тут уже зевать нельзя. Чуть замешкаешься — считай, рыбу проворонил. А как только пёрышко потонет или поплывёт в сторону, нужно немедленно дергать удочку, — подсечь рыбу. И тогда она уже точно будет на крючке.

Шурка был собой очень доволен. Такой удачной рыбалки у него уже давно не было. А всё из-за младшего брата Витьки, хоть и ненароком. Сегодня он проснулся, когда за окном было еще совсем темно. Ему приснился сон, будто плывёт он широкой, полноводной и незнакомой рекой, а не по деревенской узкой и мелкой речке Холоднушке. Гребёт, изнемогая от усталости. Его пугает холодная, чёрная и бездонная глубина. Руки и ноги уже окоченели от холода, совсем не слушаются, и Шурка уже начинает тонуть. Он судорожно пытался за что-нибудь ухватиться, но на поверхности реки не было ничего, что могло бы спасти его. Ужас сковал всё тело и из последних сил он заорал: «Мамака-а-а-а...». От своего же громкого кри-

ка Шурка проснулся. Увидев вокруг знакомую обстановку, он с облегчением вздохнул и снова закрыл глаза.

Была ещё ночь и все в доме спали, а рядом с ним на печке, всхлипывая во сне, спал брат Витька. Шурка с закрытыми глазами шарил вокруг рукой в поисках одеяла, что бы прикрыть замёрзшее тело. Но рука постоянно натыкалась на что-то холодное и мокрое. Он искал тёплое и сухое местечко, но бесполезно. Все вокруг было мокрым и противно липким. Спать расхотелось. Окончательно сбитый с толку, он размышлял, почему страшная река из сна приплыла на печку. Сон перемешался с явью. Голова спросонок плохо соображала. Наверное, Витька написал, догадался Шурка, но почему так много? А Витька по-прежнему безмятежно спал в этой липкой жиже, не подозревая о переживаниях брата. Так и не разгадав причины потопа, Шурка тихонько позвал:

— Мамака-а-а...

Мать сразу проснулась, будто и не спала вовсе.

— Что, Шура?

— На печке мокро, Витька, наверное, описался.

— Ну, подвинься на сухое, — зевая, проговорила мать, повернувшись на другой бок и скрепя пружинами кровати.

— Мамак, так он много написал, тута нет сухого места.

— Господи Иисусе Христе, да что же ужо у вас тама случилось? — запричитала мать, нехотя поднимаясь с кровати. Вдруг её как ветром подхватило.

— Вот окаянные, вот ироды. Да что же это деется-то, Господи? Цельную флягу бражки вылили на печку. Кто крантик-то открыл? — бурчала мать, снимая с печки пустую флягу, которая стояла у Витьки в ногах.

Тамара Иванченко

— Я не знаю, мамак, наверное Витька во сне ногой зацепился.

— Ногой зацепился... Заквасила называется брагу... Ужо вот проснётесь утром, я вам обоим дам по заднице и не буду разбираться, кто зацепился. Намедни с мужиком договорилась, придёт дрова колоть. Чем таперича буду расплачиваться с ним? Вот — окаянные... Ремня на вас нету....

Ворча, мать перестилала сухую постель на печке. Она перекатила спящего Витьку на новое место, накрыла сыновей своим одеялом.

— Мамака, а ты чем будешь укрываться?— виновато-заботливо спросил Шурка.

— Какой там сон? — уже миролюбиво ответила мать — пойду корову доить, скоро будет светать.

Мать ушла, а Шурка лежал на печи, переворачиваясь с боку на бок. Сна не было. Да и обещанного утреннего наказания не хотелось дожидаться. И он решил идти на рыбалку, тем более, что на рассвете самый клев. Да заодно и мамку рыбкой задобрить. Она давно просила наловить рыбу на уху. Он тихонько слез с печки, в сенях взял свои рыболовные снасти и, незаметно проскочив мимо хлева, где мать доила корову, огородами побежал на речку Холоднушку. У Шурки было свое любимое место — перека, мелководье. Здесь вода хорошо прогревалась и всегда водилась рыба.

Над рекой и окрестностью стелился клубами густой туман. На противоположном берегу деревья и кусты едва угадывались. И только на востоке небо становилось всё светлее и светлее.

Было по-утреннему прохладно, к тому же штаны по колено были мокрыми от росы и прилипали к ногам холодными

и противными жабами. По всему телу от холода пробегала дрожь. Но Шурка старался не обращать на это внимания. Тем более, что место было не занято рыбаками и это уже было хорошим началом.

Он деловито разложил снасти и тут только вспомнил, что не накопал червей. «Такое хорошее начало и такой плохой конец», — подумал Шурка. Он ругал себя за поспешность, с которой убежал из дома. Что делать на рыбалке без червей? Настроение испортилось. Рыбачить без червей было невозможно, но домой идти не хотелось, — вдруг мамака и вправду отлупит за загубленную брагу. И тут он вспомнил: иногда рыбаки прятали в консервной банке в тени кустов оставшихся червей. Он стал заглядывать под все ближайшие кусты: а вдруг повезёт? Разгребая влажную от росы траву, он ждал, что вот сейчас блеснёт жестяным боком заветная баночка. И чудо произошло. Он нашёл банку с хорошими червями.

Настроение поднялось. Шурка забубнил под нос песню, нанизал червя на крючок, плюнул на него, как делают заядлые рыбаки, чтобы клевало, и забросил удочку. Он не отрываясь, смотрел на изобретённый им поплавок, который, повинаясь движению воды, медленно покачивался из стороны в сторону.

Между тем солнечные лучи уже начали пробиваться между ветвей деревьев и кустарников, блестя и сверкая в капельках росы на траве и листьях. Яркими огоньками они вспыхивали на поверхности воды, ослепляя и веселя Шурку. Он был очень доволен сегодняшним днём. Он даже забыл, что почти не спал ночью и что ушёл из дома, не позавтракав. Он забыл про холод и мокрые штаны. С появлением солнца, рыбалка стала совсем замечательной. Рыба будто играла на

Тамара Иванченко

поверхности воды, выпрыгивая и шлёпаясь в воду, создавая брызги. То там, то здесь на водной глади появлялись ровные, будто очерченные циркулем круги. Рыба так хорошо ловилась, что Шурка даже вспотел. Червей в банке становилось всё меньше, а кукан с рыбой всё тяжелее. Рыбалка складывалась очень удачно. Он представлял себе, как его похвалит мамака за такой улов. А какая уха будет вкусная.

Солнце между тем поднималось все выше. Штаны его уже давно высохли, а вот голодный желудок стал напоминать о себе. Шурка изрядно проголодался и хотелось пить. Он пожалел, что не взял хотя бы кусочек хлеба и бутылку воды.

Становилось всё жарче, и рыба ловилась уже хуже. Он смотрел на гусиное пёрышко, которое чуть-чуть колыхалось на зяби и медленно двигаясь вниз по течению. За движущимся по воде поплавком вниз по течению шёл и Шурка. И довольно далеко ушёл от прежнего места. Так хотелось поймать ещё хоть немного.

Но вот клёв совсем прекратился. Он вытащил из воды крючок с нетронутым червём, смотал удочку и пошёл к оставленному им кукану.

Шурка устал, «нажарился» на солнце, но испытывал огромное удовольствие. Он бодро шагал к кукану, представляя, как мамака сварит пахучую уху. Запах этой ухи уже щеко-тал ноздри, когда перед ним предстало ужасающее зрелище. Руки и ноги стали каменными. Удочка выпала из рук. Он не мог вымолвить ни слова, язык словно прилип к небу. Одним словом, Шурка остолбенел. Его широко открытые глаза ничего не видели вокруг, ничего кроме одного существа. И это существо — огромный, откормленный рыжий кот местного батюшки отца Феодора.

Этот рыжий нахальный кот сидел на кукане и доедал последнего пескаря. И тут Шурку прорвало:

— Ах, ты, скотина! Ах, ты антихрист! Чтоб тебя черти съели на том свете, чтоб тебя телега переехала! Ах, ты змей жирный, ненасытная утроба, чтоб тебя...

Шурка задыхался от злости, слова застревали у него в горле, вырываясь наружу отдельными фразами:

— Поповское!.. Нечисть проклятая! Зверюга!...

От досады он пнул кота ногой. Тот зашипел и оскалил зубы. Шурка снова хотел ударить кота, но тот прыгнул на занесённую над ним ногу, вцепился в неё когтями и при этом пронзительно заверещал дурным голосом. Шурка выл от боли, тряс ногой, пытаясь скинуть с неё «разбойника», но тот будто приклеился. Наконец, кот отпрыгнул в сторону.

Шурка поднял с земли кукан, на котором болталось несколько обглоданных рыбьих голов. Он широко размахнулся и швырнул кукан далеко в речку. Его тело, как подстреленное, упало на песок. Он лежал и плакал, размазывая по щекам слёзы вперемешку с песком и грязью. Все его маленькое и худенькое тело содрогалось от рыданий. Он плакал, а кот сидел недалеко — довольный и сытый. Наплакавшись, Шурка вытер руками мокрые щёки и сердито посмотрел на кота, который с довольным видом облизывал свою лоснящуюся рыжую шерсть. И вдруг кот замурлыкал, подошёл и стал ласково тереться о Шуркины ноги заглядывая в глаза и как бы спрашивая: «Ну чего ты сердисься?» И подставлял голову под Шуркину руку, предлагая погладить себя. То с одной стороны зайдёт, то с другой...

— Вот пройдоха! — наконец-то выговорил Шурка, широко улыбнувшись.

Тамара Иванченко

Шерсть у кота была пушистая, мягкая и под Шуркиными пальцами скользила, как шёлк.

В деревню они шли вдвоём — голодный Шурка и сытый кот.

А в воскресенье мамака пришла из церкви со службы и принесла Шурке сахарного петуха на палочке.

— Это тебе батюшка Феодор передал гостинец...

Место под солнцем

Прочитав этот рассказ, вы можете усомниться в его правдивости. Но история, которую я хочу рассказать, действительно произошла в моей жизни, не повлияв на её ход даже самым незначительным образом. А всё потому, что эта история произошла не со мной, а с моей кошкой. Кошка эта была не простая, а удивительная.

Появилась она в нашем доме самым банальным образом. Так появляются бездомные котята в тех домах, в которых живут маленькие дети с открытыми настежь сердцами, готовыми помочь каждому, кто попал в беду.

Однажды осенним, дождливым днём моя десятилетняя дочка Валечка пришла из школы и прямо с порога позвала:

— Мама, иди сюда.

Голос её дрожал. Я торопливо пошла к двери, на ходу думая, что дочка, наверное, сильно промокла и замёрзла. И тут я услышала громкое мяуканье. Нет, это было скорее не мяуканье, а всхлипывание на самой высокой ноте.

Валечка стояла с широко открытыми глазами, в которых было столько боли, что я застыла на месте.

— Мама, посмотри, он же замёрз, бедненький.

Слёзы ручьями полились по её розовым с холода щекам. Она умоляюще смотрела на меня, протягивая ко мне руки, на которых лежал маленький, со слипшейся мокрой шёрсткой, котёнок. Он весь дрожал и периодически громко взвизгивал, как бы взывая к помощи. Было даже удивительным, как это маленькое существо могло издавать такие громкие звуки.

— Услышьте, люди! — будто кричало это мокрое, дрожащее от холода, тельце.

Я не любила кошек в доме, они казались мне источником антисанитарии и нечистот. Но у Валечки были такие умоляющие

глаза, а котёнок так дрожал и отчаянно орал, что моё сердце сдалось.

Валечка, не дожидаясь моего согласия, а может, почувствовав его, уже бежала по коридору в свою комнату, прижав мокрый комочек к груди. Я принесла старое полотенце, что бы обсушить и обогреть котёнка. Когда он высох, то оказался очень даже премиленьким. Шёрстка его была трехцветной, пятнами, а иногда эти пятна плавно переходили один в другой. Палитра окраса состояла из тёмно-коричневого, рыжего и белого цветов. На ощупь шёрстка гладкая и шелковистая.

Когда котёнок был мокрым, то казался очень худым, а когда высох, то превратился в маленький пушистый шарик с большими зелёными глазами. Согревшись, он перестал пронзительно мяукать, а попив теплого молока и вовсе успокоился, затих и уснул на мягком кукольном матрасике, на который его заботливо уложила Валечка.

Так в нашем доме появилась кошка. Дочка назвала её Лизой. Она была ласковая и послушная. Мы все в ней души не чаяли. Кошка выросла и постепенно привила любовь к себе всех домочадцев. Не хотел «прививаться» только один член нашей семьи — овчарка Герда. Ей было чуть больше года, ещё молодая, шаловливая, весёлая собака. Она жила во дворе в будке неподалеку от крыльца.

Лиза очень любила полежать на крыльце и понежиться на солнышке. Но дело в том, что Герду очень раздражало появление кошки во дворе. Она кидалась на Лизу, лаяла и рычала. Кошке приходилось скрываться от собаки в доме, но заманчивое солнышко вновь и вновь притягивало Лизу, как магнитом на крыльцо. Она всё чаще и чаще стала появляться на крыльце и, хотя Герде это явно не нравилось, собака всё же стала привыкать к кошкиным солнечным моционам. Но, не дай Бог, кошке ступить хотя бы ногой на дорожку, ведущую в сторону будки. В таких случаях Лизу спасали только её быстрые ноги.

Тамара Иванченко

Как-то уже весной, я стала замечать, что кошка буквально часами сидит на крыльце, время от времени поглядывая в сторону будки. Но я не придавала особого значения этим кошачьим посиделкам. Тем более я не могла подумать, что она планирует свои действия.

И вот в один из тёплых майских дней я готовила обед на кухне, окно в которой было открыто и выходило во двор, где и стояла собачья будка. Неожиданно я услышала странный шум на улице. Это не было похоже на лай собаки и это не было похоже на мяуканье кошки. Это было слияние шипящих, визжащих, воющих и ещё других, не поддающихся описанию, но страшных и зловещих звуков.

Я выглянула в окно и остолбенела. Какое-то непонятное существо с развевающейся гривой, как цирковая лошадь носилось кругами по двору, но с бешеной скоростью, издавая при этом целый сонм звуков. Это что-то периодически натывало на разные препятствия и, казалось бы, что это должно его остановить, но не тут-то было. Издав одновременно визг обезьяны, шипение змеи и рычание льва, оно носилось с ещё большей скоростью. Я застыла на месте, потеряв дар речи. Не в силах вымолвить хоть слово, я молча наблюдала за этой скачкой непонятого зверя. От скорости в глазах у меня рябило.

Приобретя наконец-то дар движения, забыв про борщ на плите, я побежала во двор, второпях, не подумав даже о возможной опасности. Я выбежала в центр двора. Это что-то в клубах пыли, издавая непонятные звуки, носилось вокруг меня. Скорость была такая большая, что мне уже виделось не одно существо, а несколько. Это было очень похоже на индейцев, которые с криками и гиканьем носились на конях вокруг меня.

— Я схожу с ума, — пронеслось в голове.

Постепенно возвращаясь в реальность, я внимательно приглядывалась к носившемуся вокруг меня существу. Оно странным образом и было и не было похожим на мою собаку Герду.

— Собака взбесилась,— подумала я, но почему у неё падающая и снова поднимающаяся кверху во время движения грива? Мысли путались в голове.

Было непонятно, почему собака постоянно мотает головой из стороны в сторону, как бы пытаясь сбросить с себя что-то. Я с трудом разглядела, что на её голове и шее сидит какое-то чудовище. Во время бега собаки оно подлетало кверху, издавая неземной визг, а потом шлёпалось снова на спину бедной Герды, пугая и подхлёстывая её. Собака рычала и визжала от страха и ужаса.

— На Герду напал какой-то зверь. О, ужас! Что же делать?

Я, откровенно говоря, растерялась и не знала, что предпринять, что бы помочь несчастной собаке. Недолго думая, я сделала то, что делать было нельзя. Я побежала наперерез собаке, растопырив руки в разные стороны, пытаясь остановить её. Герда — огромная, взрослая овчарка со всей своей массой налетела на меня, опрокинула навзничь и, перепрыгнув через меня, понеслась дальше. Тут уже и я взвыла от боли и досады. Так я сидела посредине двора, сбитая с толку, а вокруг меня со скоростью ракеты носилась Герда.

И тут, о, ужас! В индейце с боевым раскрасом я узнала свою кошку Лизу. Её трехцветная шерсть стояла дыбом, глаза округлились. Передние лапы крепко вонзились когтями в голову Герды, а задние вместе с туловищем взлетали в воздух, а потом со шлепком падали назад. При этом хвост собаки был поджат под живот, а у кошки наоборот торчал кверху и во время бега раскачивался из стороны в сторону, как знамя на ветру. А в самых наивысших точках полёта от страха хвост резко опускался вниз, как кнутом подхлёстывая собаку.

Мои слова и крики тонули в этом адском колдовороте. Я пыталась ухватить руками Лизу, но мои пальцы едва успевали

Тамара Иванченко

почувствовать бархат её шерсти. Кошка, будто рыба в воде мгновенно ускользала от меня.

Всё это безумие закончилось ровно тогда, когда захотела этого кошка. Она отпустила свои когти и прыгнула на землю с абсолютной невозмутимостью. Она села посередине двора и с любопытством стала следить за собакой. Герда же, наконец-то избавившись от страшной наездницы, с визгом кинулась к будке. Но почему-то не залезла внутрь, а спряталась за будку, откуда с опаской поглядывала на кошку.

Потом произошло то, чего я никак не ожидала от Лизы. Подняв голову и хвост кверху, она с гордостью победившего полководца прошествовала мимо крыльца и... ступила на запретную для неё дорожку, ведущую к будке. И это ещё не всё. Она подошла к будке, заглянула во внутрь и... залезла в неё. И это ещё не всё. Легла там и сложила лапки на деревянном проёме в будку. На её наглой мордашке было полное спокойствие. Было такое ощущение, что сидит она вовсе не в чужом доме, а в своём собственном.

Герда же наоборот повизгивала, нервничала. Несколько раз пыталась выглянуть из-за угла будки, но каждый раз получала от кошки лапой по носу. Взвыв, собака снова пряталась за будку. Так продолжалось несколько раз. Напрасно Герда пыталась выгнать из будки наглую хватчицу, та каждый раз пускала в ход свои острые коготки.

Я с интересом наблюдала, чем же закончится этот поединок, эта борьба за место под солнцем.

Наконец Лиза медленно, не спеша, с чувством собственного достоинства вышла из будки и снова прошествовала мимо Герды, даже не удостоив последнюю взглядом. Хвост её нагло торчал кверху. Собака ещё глубже забилась в угол между будкой и забором. Герда не сводила глаз с фигуры победительницы. Когда путь в будку был свободен, она стремглав залетела внутрь.

И только когда она высунула наружу голову, всё существо её выражало довольствие и спокойствие.

С тех пор, стоило только Лизе выйти во двор, как Герда моментально пряталась в будке. И кажется, в эти минуты она была очень горда собой. Ведь её дом-будка не был занят врагом-кошкой. А кошка теперь могла гулять, где угодно и когда угодно.

По-моему, каждый из них был очень доволен. Кошка обрела свободу передвижения, а собака — свободную от врага будку.

Что бы поддерживать в неизменном виде свои завоевания, Лиза иногда с поддельным равнодушием проходила совсем рядом с Гердой, которая сидя в будке, будто бы сердито, рычала на неё.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шурка</i>	5
<i>Вороной конь или первый рабочий день</i>	13
<i>Лекарка</i>	31
<i>Ворона</i>	45
<i>Удачная рыбалка</i>	63
<i>Место под солнцем</i>	71

Иванченко Тамара Александровна

ШУРКА

Рассказы для детей подросткового возраста

В авторской редакции
Вёрстка — *Д. Зяблицкая*
Дизайн обложки — *И. Сиренко*
Директор издательства — *А. Береговой*

Издательство Литературного фонда России
«Донской писатель»
344000, Ростов-на-Дону, ул. Шолохова 1
т. 8-918-599-67-51; 8-904-344-05-05
donpisatel@yandex.ru

Подписано в печать 14.10.2017 г. Формат 60x90 1/16
Объем 4 у.п.л. 80 стр. Бумага офсетная.
Обложка мягкая «Лён» 4+0. Склейка «Биндер»
Тираж 300 экз.
Гарнитура Times New Roman

Ростовские региональные отделения
Литературного фонда России
Союза писателей России

Издательство «Донской писатель»

Всем авторам, а также юридическим лицам (предприятиям, фирмам, организациям, учреждениям, административным структурам):

- издание книг, буклетов, журналов;
- редактирование текстов;
- консультации известных донских писателей и поэтов;
- рецензирование рукописей;
- подготовка и выпуск мемориальных альбомов/книг (включая текстовой контент и дизайн);
- иные полиграфические услуги.
- помощь в реализации особо удачных книг.

Высокое качество — низкие цены — точные сроки.

В издательстве «Донской писатель» работают профессионалы.

Издательство «ДП» с апреля 2015 года начало выпуск малоформатных (формат А-6) и низкобюджетных книг из серии «Библиотечка журнала «ДОН_новый». Стоимость 200 экз. такой книги — 6500 руб

С условиями нашего с Вами сотрудничества Вы можете ознакомиться в представительствах издательства по телефонам:

в Ростове-на-Дону: 8-918-599-67-51; 8-904-344-05-05

donpissatel@yandex.ru